

Арина Невская

ИЗМЕНА

Грестье на осколки

Агата Невская

Измена. Счастье на осколки

<https://litres.ru/74267877>

Аннотация

– Лина? – неверяще произносит Дима вмиг побелевшими губами. Хочет встать, но девица, с которой он был, слишком увлечена. – Вера, отвали, – он тянет её за волосы, чтобы остановить. Я отшатываюсь. Рыдания все-таки вырываются, мне хочется завывать от боли, от которой скручивает все внутренности. *** Я была уверена, что счастлива и любима. Но мой мир рухнул в одночасье, когда я застала мужа с другой. И у нас теперь не будет "жили долго и счастливо", потому что измену не прощу, и своего сына ему не отдам. *** Внимание: 18 +, в тексте есть сцены курения, алкоголь и обценная лексика.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	14
Визуализация	20
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	59
Глава 11	66
Глава 12	72
Глава 13	77
Глава 14	82
Глава 15	87
Глава 16	92
Глава 17	99
Глава 18	103
Глава 19	109
Глава 20	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Пролог

Я просыпаюсь резко, как от толчка. В комнате темно, а значит, еще очень рано. Не ощущаю привычных объятий и провожу рукой по кровати. Димы еще нет. Я так мало поспала или Дима решил уйти в отрыв? Вообще, конечно, не удивительно, он последние несколько лет работает в напряженном темпе. А во время новогодних каникул наконец-то решил выдохнуть и расслабиться.

Мне почему-то тревожно. Всматриваюсь в темноту комнаты, прислушиваюсь к себе. Кладу руку на живот поглаживаю его, уже привычно разговариваю с малышом.

– Спишь? – улыбаюсь, ощущая толчок в руку. Слабый, такой, как будто мне говорят – не мешай спать, потом поговорим.

Я поглаживаю живот и счастливо улыбаюсь.

– Скоро мы с тобой встретимся, и я тебя познакомлю с твоим папой. Вы, конечно, уже знакомы, но не так близко, как со мной. А он знаешь, какой у тебя замечательный? Самый лучший!

Дима у меня действительно потрясающий. Мне завидуют все подружки, что я «отхватила такого мужика», как они говорят. Красивый, со спортивной фигурой, за который следит и регулярно ходит в качалку и на тренировки по каратэ, обаятельный. А еще он безумно любит меня и пылинки с меня

сдувает. А когда узнал о такой долгожданной беременности, так вообще чуть ли не под хрустальный колпак посадил. В общем, муж у меня такой, что сама себе завидую.

Я лежу, вглядываюсь в темноту и понимаю, что тревога не отпускает. Что же это? С малышом все в порядке. Решаю встать и поискать Диму. Может, его споили его друзья? И он поэтому не может подняться в нашу спальню?

Накидываю халатик и иду его искать.

Я спускаюсь со второго этажа на первый и иду на звуки смеха в кальянной. Открываю дверь и сквозь дымный туман вижу всех из нашей компании, кроме Димы. И Веры.

– Лина, что-то случилось? – ко мне обеспокоенно подсказывает жена коммерческого директора Света.

– Нет, проснулась, а Димы нет, решила поискать его. Живот что-то потягивает, – лукавлю я, чтобы оправдать, для чего мне понадобился Дима. Не говорить же им, что мне почему-то тревожно. А тревога тем более усиливается, потому что, кроме Димы, в комнате я еще не вижу и Веру.

– Лин, Дима вроде наверх к вам пошел, – слышу голос Владимира, мужа Светы.

Я киваю и иду опять наверх. Может, Дима решил посидеть в одиночестве? На втором этаже как раз есть мансарда со стеклянной крышей и с уютным диванчиком. Я его присмотрела сразу же, хотела как раз завтра, пока все отсыпаются, почитать в тишине.

Иду по проходу, который освещен новогодними гирлян-

дами, и слышу странные звуки. Определенно кто-то занимается сексом. Вера здесь с Борисом? Но он был в кальянной, я его видела. Там не было только Димы с Верой. Сердце ухает куда-то вниз. Но я не верю ушам, я поверю только глазам. Мало ли что это может быть, может, они фильм смотрят какой-нибудь. Ноги наливаются свинцом, а сердце стучит где-то в горле и отдаются шумом в уши. Я останавливаюсь в коридоре перед поворотом к мансарде. Остается сделать шаг.

Так, Лина, спокойно. Не накручивай себя. Там не может быть Димы. Ведь не может быть, да?

Я делаю последний шаг. И он делит мою жизнь на «до» и «после».

На уютном диванчике, который я себе присмотрела, широко расставив ноги, сидел Дима. А между ног у него пристроилась Вера. Она самозабвенно отсасывала у моего мужа. Облизывает член, заглатывает его по самые гланды. Она делает это так профессионально, что я даже засматриваюсь. Меня никто не видит. Там, где я стою, как раз темный угол, слабо освещенный торшером. Меня плохо видно, но они в любом случае так увлечены, что ничего не замечают вокруг.

Я боюсь смотреть в лицо Димы. Но делаю над собой усилие и поднимаю на него взгляд.

– Да, детка, так. Охуеть можно. Да, вот так, возьми его глубже. Что же ты со мной делаешь. Блядь, ты богиня минета, – со стоном говорит мой самый потрясающий муж. А у меня все умирает внутри.

Я закрываю ладонью рот, чтобы крик, который зарождался внутри, не вырвался наружу. И смотрю, как Дима хватается Веру за волосы и начинает трахать ее рот яростно, жадно. Вера подчиняется, разрешая терзать ее рот.

Внезапно мой всхлип все-таки вырывается наружу. Дима скидывает взгляд и видит меня. Его лицо перекошено от страсти, глаза горят, а он смотрит на меня. Глаза в глаза. В то время, как он трахает в рот другую. У меня вырывается рыдание, я закрываю рот рукой, а вторую кладу на живот. Дима опускает взгляд следом за моим жестом. Я вижу по его лицу, что только сейчас он осознает, что это действительно перед ними стою я и наблюдаю эту сцену.

А мне хочется прямо здесь сдохнуть. Слезы текут ручьем, я не вытираю их и сквозь расплывающуюся реальность вижу, как бледнеет Дима.

– Лина? – неверяще произносит он вмиг побелевшими губами. Хочет встать, но его подстилка слишком увлечена.

– Вера, отъебись, – он тянет её за волосы, чтобы остановить.

Я отшатываюсь. Рыдания все-таки вырываются, мне хочется завывать от боли, от которой скручивает все внутренности. Низ живота тянет.

– Как ты мог? – вырывается у меня вместе с рыданием. Я пячусь и в ужасе качаю головой. Дима вскакивает и стремительно шагает ко мне.

– Лина, нет, стой, давай поговорим, – он пытается схва-

тить меня за руку, но я отскакиваю в сторону, не позволяя дотронуться до меня.

– Нам не о чем с тобой разговаривать, – кричу я. – Не о чем, понимаешь? Не подходи ко мне!

Понимаю, что скатываюсь в истерику, мне нужно успокоиться, хотя бы ради малыша, ведь он сейчас со мной переживает все то, что я испытываю.

Я перевожу взгляд на Веру. Она же демонстративно облизывает пухлые губы, которые только что были на члене моего мужа.

Моего любимого мужа, про которого я думала, что он никогда не предаст.

Дорогие мои! Мы с моим соавтором Чарли Ви рады приветствовать вас в нашей новинке. Надеемся, что история вам понравится. Ну, и конечно, будем рады любой вашей поддержке! Комментарии, ваши звезды и лайки - это своеобразное топливо для нашего вдохновения## С любовью, Агата и Чарли.

Глава 1

Я бегу от них так быстро, как только могу это сделать со своим животом. Понимаю, что Дима скорее всего меня сейчас догонит. Не хочу, не могу его сейчас ни видеть, ни слышать! Ненавижу! Как же я его ненавижу в эти мгновения.

Я бегу вниз, захлебываясь от слез, чудом удерживаюсь на лестнице и не падаю. Там, перед выходом, на тумбочке, лежит барсетка Димы и ключи от машины. Реальность расплывается от слез, но мне удастся рассмотреть ключи от машины. Тут же лежат ключи и от коттеджа. Я хватаю всё. Выбегаю, захлопываю дверь и закрываю на ключ. «А вдруг пожар, а я их закрыла?», – мелькает шальная мысль. «Ничего, из окон попрыгают, тут невысоко», тут же успокаиваю я себя.

Впрыгиваю в джип Димы, завожу машину и жму на газ. Права у меня есть, и как хорошо, что я на всякий случай положила их в барсетку мужа. Слезы льются, я вытираю их одной рукой, чтобы видеть дорогу. Я просто еду вперед, выезжаю на трассу и еду в сторону города.

– Как ты мог, как ты мог, – как заведенная шепчу я. – Я же тебе так верила, а ты... с девушкой своего друга.

Мне так больно, что я начинаю выть и понимаю, что в таком состоянии опасно ехать дальше и сворачиваю на обочину.

– Так, Лина, успокаивайся, ты не одна, а малыш все чув-

ствует и ему сейчас тоже плохо, – говорю я себе и глазу по животу.

Малыш непривычно тих. Обычно он очень активен, и я называю его «мой маленький футболист», настолько он любит пинаться. А еще раньше, когда он был поменьше, он очень любил крутиться, и до тридцати пяти недель я не знала, какое положение он примет.

Моя врач на приемах, когда видела, что он опять сидит на попе, грозно сводила брови на эти его кульбиты и говорила, обращаясь непосредственно к самому малышу: «Если не одумаешься и не перевернешься, будем кесарить. Понял? А нам это не нужно. Ты же мужик, должен сам пройти испытание! А ну-ка соберись! И чтобы в следующий раз лежал, как положено». Я на это только смеялась. Но что удивительно, малыш как будто опасался грозного врача и затихал. А на последнем осмотре мы убедились, что ее и мои уговоры помогли. Малыш перевернулся.

Я делаю дыхательные упражнения, чтобы успокоиться, кладу руки на живот и прислушиваюсь. А через мгновение чувствую толчок. Слабый, еле ощутимый, как будто со мной легонько поздоровались.

Я счастливо улыбаюсь. Значит, все хорошо.

– Ничего, мой хороший, мы справимся, правда? Мы же с тобой сильные? Сильные же, да? – я как будто этим вопросом пытаюсь убедить саму себя. Вроде получается. Но по лицу опять текут слезы. И я их уже не вытираю. Они затекают

на губы, на шею, а я сижу, смотрю в лобовое стекло и глажу живот.

Тут у меня внутри что-то как будто щелкает. Или рвется. А подо мной на сиденье моментально становится мокро. Так мокро, что влага стекает по ногам вниз.

– Мамочки, – вмиг онемевшими губами шепчу я. – Я рожаю? Я рожаю!

Паника охватывает меня. Господи, у меня же с собой ни моей родильной сумки, ни документов, ничего, кроме водительских прав. Я хочу прямо сейчас убить ублюдка Орлова, своего мужа. Я никогда не материлась, но именно сейчас в голову приходят только трехэтажные матерные конструкции.

– Так, Ангелина пока еще Орлова, собралась. Собралась, я сказала! Что врач говорила? Что первые роды быстрыми не бывают. Значит, у тебя есть время доехать до роддома. Включаем небольшую скорость на всякий случай и потихоньку фурычим в первый попавшийся роддом.

Вот так, вслух уговаривая себя, я медленно выезжаю на трассу. Параллельно пытаюсь «прикинуть», где в этой стороне города находится роддом. Смартфон тоже остался в коттедже, и мне ни карту не посмотреть, ни погуглить. Так, ладно, въеду в город и спрошу у кого-нибудь.

Я тихонько, на скорости сорок км в час, жмусь в крайний правый ряд и еду.

– Миленький, ты не торопись, ладно? Нам с тобой доехать

до роддома нужно, нам нельзя в машине рожать. Давай я тебе пока песенки спою, – уговариваю я малыша, а скорее всего, себя. И начинаю петь во весь голос. Что-то из «Бременских музыкантов», из «Летучего корабля» и песни из других советских мультиков. Я ору песни во все горло, чтобы заглушить страх и боль. Я вдруг понимаю, что опоясывающая боль – это начинающиеся схватки.

– Нет, нет, нет, давай еще протянем немного, вон уже город видно. Давай-ка я тебе колыбельную спою, и ты поспишь, – в панике говорю я и начинаю петь «ложкой снег мешая», хотя понимаю, что этим схватки не остановить. Я во весь голос пою песню медведицы, когда вдруг слышу сзади вой сирены и приказ остановиться. Это что, мне?

Смотрю в зеркало заднего вида. За мной едет полицейская машины, я удивленно распахиваю глаза, потому что машина – БМВ х5. Ого. Неплохие машины у полиции сейчас. И называют мои номера, да. Я торможу на обочине. Из БМВ выходит высокий широкоплечий мужчина. И сквозь боль от очередной схватки отмечаю, что он не в форме, как положено, а в зимней косухе на меху.

Он подходит к моей машине, заглядывает через стекло, и он в удивлении поднимает брови. Еще бы. Женщина с животом за рулем и в халатике. Зимой.

– Старший следователь Соколов. Опустите стекло.

Он холодно чеканит слова, и в его глазах такая ненависть, что я сжимаюсь. Мне становится страшно. Чего это он? От-

куда такая злость?

Тут меня настигает очередная схватка, я охаю от неожиданности и практически ложусь на руль. Дышу, как училась на курсах. А когда отпускает и боль отступает, я опускаю стекло. Но не на полную, а так, чтобы пролезли права.

– Предъявите ваши права, – строго говорит мне мужчина.

Я, молча и сжав зубы, протягиваю ему карточку.

– Почему вы в таком виде? Вы пьяны? Посмотрите мне в глаза, – повелительно говорит он, видимо хочет убедиться в том, что у меня зрачки в порядке. Ну или не в порядке.

Я не знаю, какие зрачки у рожениц. Но схватки становятся чаще, и я охаю от очередной боли.

– Слушай, ты, старший следователь Соколов, я рожая, понял? – сквозь сжатые зубы шиплю я. – И мне срочно нужно в ближайший роддом, иначе роды будешь принимать ты.

Ну что, готовы увидеть наших героев? :) Листаем дальше
##

Глава 2

– А что это такой мужчина скучает один и в темноте?

В дверном проёме стоит Вера. Платье повторяет каждый изгиб, словно вторая кожа. Шикарная грудь подрагивает при каждом движении. На неё только импотент бы не облизнулся.

Надо же было Борису такую сучку где-то выцепить. Единственный неженатый из нашей компании. Не постеснялся со своей развратной девицей на празднование приехать.

Делаю глубокий вдох. Я бы и рад не обращать внимания на её призывный наглый взгляд, но в последнее время у Лины постоянный тонус, срок большой. И хочется на стену порой лезть. Вот и сейчас решил не беспокоить её, отдохнуть спокойно в уединении.

– Где Бориса потеряла? – стараюсь контролировать мысли и не распаляться.

– Бориска, немного лишнего выпил. Да и знала бы я, что тут такой мужчина, как ты, на Бориса бы и внимание не обратила.

Приближается медленно, слегка покачивая бёдрами.

Красивая, пиздец просто. Но красота у неё развратная. Смотрю на пухлые губы. Даже голову кружить начинает от картинки, как её рот сжимает мой член. Волна жара бьёт в пах, стояк каменеет.

Молчу, чтобы не выдать желание.

А Вера всё ближе. Подходит, присаживается рядом, ведёт по ноге. Знаю, что надо встать, руки её с себя скинуть и не могу.

– О! Так, ты тоже рад меня видеть, – проводит рукой по стволу. Тянется к ремню. Я словно дорвавшийся до свободы заключённый забываю обо всём, единственное, что сейчас хочется, чтобы она прикоснулась губами к нему. И она это делает с игривой лёгкостью. Сначала водит языком по уздечке, а когда берёт полностью в рот, слетаю с катушек. Подаюсь бёдрами вперёд, загоняю ей на всю глубину. Её не жалко, хочется причинить боль за то, что она такая.

Но, блять, это охуенное чувство!

Уши закладывает, пульс зашкаливает.

– Да, детка, так. Охуеть можно. Да, вот так, возьми его глубже. Что же ты со мной делаешь. Блядь, ты богиня минета, – сам не понимаю, что несу.

Открываю глаза на секунду и в темноте вижу неясный силуэт.

Ещё продолжаю двигаться, когда понимаю, что передо мной стоит Лина.

Да не может такого быть. Не верю глазам. А Вера продолжает сосать .

Это, это...

Мне требуется всего минута, чтобы прийти в себя. Отталкиваю Веру, бегу за Линой. Сердце замирает от ужаса за неё.

Как я мог забыться.

– Лина, – ору ей вслед.

Но её нет в комнате. Неужели на улицу выбежала?

Несусь в коридор, перепрыгиваю через две ступеньки за раз.

Пиздец малышка! Да куда же ты собралась?

Толкаю дверь. Заперто? Снова толкаю плечом. Так и есть. Она ещё и дверь захлопнула. Сканирую горизонтальные поверхности в поисках барсетки и ключей, но ничего не нахожу.

На грохот вываливаются мужики, среди них и Борис.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Да никуя. Ты бы за своей шалавой лучше присматривал, – ору на него. – Ключи от машины своей давай.

Слышу, с улицы доносится звук, взревевшего двигателя.

– Зачем? – продолжает тупить Борис.

– Потому что надо. Дай ключи.

Боря вытаскивает ключи из куртки, висящей на вешалке.

Я со всего маху бью ногой в место, где врезан замок. Дверь с треском распаивается. Летят щепки. Мне плевать.

Одна мысль – успеть остановить Лину.

Выбегаю к парковке. Уехала на моей. Запрыгиваю в машину Бориса, пытаюсь завести двигатель, но лишь пыхтение и фырканье. Машина колом стоит.

– Что у тебя с тачкой? – ору Борису.

Тот только плечами пожимает.

Да, сука, всё будто, как назло!

– Вован, дай ключи от машины. Этот дебил даже выключать машину правильно не умеет. Аккумулятор сел.

Вова без лишних разговоров идёт в дом за ключами.

– Петух ты гамбургский! – срываюсь на Бориса. – На хуя ты эту суку привёз!

– Тебя то это как касается? – Боря всё ещё тормозит.

– Сосёт твоя сука хорошо. Вот что. Ты её привёз, чтобы она тут всех обслужила?

– Вера, что ли?

– Нет, блядь, снегурочка.

– Да я хуй знает где она. А ты чё ей в рот дал? На хера? Тебе что, твоей Ангелины мало?

Опускаю голову вниз. Знать бы, для чего я это сделал.

– Ну ты и дебил! – усмехается Борис.

В голове вспышка, секунда и мой кулак смачно врезается в его скулу.

Мужики разнимают нас. Вован протягивает ключи.

– Димон, не торопись. Может, Ангелина сейчас вернётся. Не пори горячку, – пытается остановить меня.

Но уже поздно. Я в два шага оказываюсь в его мерсе, двигатель рычит. Газую на полную. Рискую врезаться в забор, но проскакиваю в паре сантиметров.

И гоню, гоню, гоню.

Куда она могла уехать? Домой? К маме? Стараюсь прислушаться к разуму и интуиции. Скорее всего, домой. До-

стаю телефон из кармана, ремень всё ещё расстёгнут. Набираю Лину, но в ответ только долгие гудки.

Она наверно и телефон с собой не взяла, в халатике убежала. Дурная!

Бью ладонью по рулю в бессильной злобе.

Всё должно было быть по-другому. Специально сняли этот дом за городом, чтобы встретить в семейно-дружеском кругу Новый год. Какого чёрта Борис притащил эту шалаву?

Не было бы её, не было бы и никакой измены. Как теперь всё Ангелине объяснить? Она же не простит. Сколько раз мне говорила, что всё может простить кроме измены. Душу рвёт на части. Внутренности будто ржавым ножом вспарывает. Только бы догнать. Только бы с ней ничего не случилось. Топлю педаль газа, но мне всё ещё кажется, что машина еле тащится.

Не знаю, сколько проходит времени, когда фары освещают знакомый дом.

Взлетаю по ступеням на наш этаж. Дверь заперта.

Сука! А у меня ключи в барсетке.

Похуй!

Соседи начинают высовывать головы из своих квартир на грохот. А у меня будто мозг вырубился.

– Эй. Дим. Тебе, может, инструмент какой нужен?

Лёха из квартиры напротив сонно моргает.

– Желательно ключ.

Через полчаса, разворотив замок, попадаю в квартиру.

Никого. Тихо. Пусто.

Зря только время потерял.

Ладно. Сейчас тещу наберу.

– Алло! Зоя Андреевна!

– Дима ты, что ли? – бормочет сонным голосом.

– Да. Дима. А...А Ангелина не у вас, случайно?

– Нет. А что? Что-то случилось?

– Нет. Ничего. Просто, видимо, разминулись.

Уже жалею, что позвонил. Дебил. Теперь ей что-то говорить надо.

– Дима, не пугай меня! Где моя дочь?

Визуализация

Дорогие мои!

В нашем с Чарли представлении герои истории выглядят так:

Наша девочка, нежная, но в будущем она покажет, что у нее есть сильный внутренний стержень.

Ангелина (Лина) Орлова

Наш герой, красавец и изменщик.

Дмитрий Орлов

Шалава-проблядушка, с которой он развлекался

Вера

Друг, который привез Веру на праздник, но тоже является пострадавшей стороной в этой истории

Борис

Ну как вам наши герои? :)

Глава 3

Следователь Соколов замирает растерянно, запускает руку в шевелюру, нервным жестом взлохмачивает ее. Потом берет себя в руки и уверенно кивает мне.

– Так, Ангелина Орлова, открывайте дверь.

– Зачем это? – смотрю на него с подозрением и передергиваю плечами. Из приоткрытого окна веет холодом.

– Чтобы куртку надеть и пересесть в мою машину, – терпеливо объясняет он.

– Товарищ старший следователь Соколов, а имя у вас есть? – стуча зубами, спрашиваю я. И не пойму, то ли зубы стучат от холода, то ли от паники и стресса.

– Андрей, – сосредоточенно отвечает он и протягивает в открытую дверь дубленку. Окидывает меня взглядом, хмурится от моего раздетого вида. – Давай-ка бегом в мою машину.

И когда я выползаю из-за руля, ворчит себе под нос что-то вроде «ну хоть в тапочках».

Я, насколько возможно в моём положении, максимально быстро ползу в полицейскую машину. Поскорее закрываю все двери, не дожидаясь хозяина включаю печку на максимум, подогрев сиденья и жмурюсь от наслаждения в тепле, пока не настигает очередная схватка. Что там врач говорила? Нужно засечь периодичность? И как мне это сделать, у меня

ни часов, ни телефона! Но по ощущениям, они становятся чаще. Господи, я не готова! Я не хочу вот так, одна, непонятно, как и где. Меня накрывает паника и начинает трясти еще больше.

Где это этот Андрей, что он там застрял? Оказывается, старший следователь более удачно паркует машину, потом я вижу в окно, как он выходит и кому-то звонит, глядя на номера. По всей видимости, диктует их кому-то.

А когда он садится за руль, то сообщает, внимательно глядя на меня.

– Я позвонил своей знакомой бригаде эвакуаторов, они в ближайший час приедут и заберут машину на стоянку. А то на кольцевой нельзя парковаться. Так что не переживай, – успокаивает он меня.

– Да мне все равно, что с ней будет, – стуча зубами, отвечаю я. – М-м-мы уже можем поехать? В ближайший роддом. Я рожаю! Если до тебя еще не дошло!

Последняя фраза звучит почти истерично. Я и сама чувствую, как меня медленно, но верно накрывает истерика.

– Сейчас поедem, – невозмутимо кивает этот непроницаемый человек. – Для начала вот.

Он достает термос, наливает в кружку что-то исходящее паром и салон машины тут же наполняется ароматом кофе.

– Выпей, тебя трясет. Это не самый полезный напиток для рожающей женщины, но он согреет и тебе станет легче.

– Мне нужно в роддом побыстрее, а не кофе пить. Я сама

поеду, – я хватаюсь за ручку дверцы и пытаюсь выйти.

– Вот не зря говорят, что у беременных мозг отказывает, – Андрей закатывает глаза. – Не надо меня испепелять взглядом! Вот прямо сейчас ты не родишь, я знаю, я на родах своей сестры присутствовал. Время выпить чашку горячего кофе, чтобы согреться, у тебя точно есть.

После его слов про мозг беременных мне хочется его стукнуть, но тем не менее я хватаюсь за кружку с благодарностью, делаю первый глоток и жмурюсь от наслаждения. Тепло разливается внутри и действительно становится чуточку легче. Андрей, облокотившись локтем на руль, с улыбкой наблюдает за мной.

– Легче? – с пониманием спрашивает он.

Я киваю.

– Так. Насколько я понимаю, документов у тебя с собой никаких нет? – спрашивает он, хотя и так всё понятно.

Я в ответ молча качаю головой и откидываюсь на спинку кресла, устраивая поясницу поудобнее. Андрей нажимает рычажок под моим сиденьем, чтобы откинуть кресло для более удобного положения.

– Тогда едем в ближайший роддом. Со мной примут в любом случае, и я решу вопрос с отдельной палатой, – говорит Андрей. Он трогается с места и, глядя вперед, задает вопрос.

– А теперь скажи-ка мне, Ангелина Орлова, почему ты оказалась в машине в таком виде, рожающая и одна? Где твой муж и почему он тебя отпустил в таком состоянии?

Я смотрю на его профиль и у меня перехватывает горло. Я вдруг понимаю, что не могу произнести ни слова. У меня такое бывает на фоне стресса. Что-то там пережимается в связках, это явление даже как-то называется по-научному, такая вот молчаливая реакция на стресс.

Он не слышит моего ответа, отрывает взгляд от дороги, смотрит на меня и испуганно дергается в мою сторону.

– Ангелина, ты что? Так больно, да?

Оказывается, у меня текут слезы, а я этого даже не замечаю. Смотрю на Андрея и не вижу его. Перед глазами почему-то стоит сцена, как облизывается Вера. Как кошка, наевшаяся сливок. Не знаю, почему именно это ударяет так больно.

На этот раз пришедшая схватка дольше по времени и интенсивнее. Я дышу, как учила врач на курсах, но мне это ни фига не помогает.

– Господи, кто сказала, что дыхание во время схваток облегчает боль? Хочу плюнуть ему в рожу, – выдаю я и хватаю Андрея за руку. Хорошо, что машина на автомате и его правая рука свободна.

– Можно подержу тебя за руку? – хриплю я. – Сейчас отпустит уже. Наверное. Если что, ты готов принять роды?

Я пытаюсь шутить, но Андрей почему-то не смеется.

– Если нужно будет, приму – серьезно и сосредоточенно отвечает он и смотрит опять на дорогу. – Через полчаса приедем. Продержишься?

– Понятия не имею, я рожая впервые, – отвечаю ему со стоном. Он не забирает руку, мужественно терпит то, с какой силой я ее сжимаю. И что удивительно, пожимает в ответ.

– Лина, ни о чем не переживай, все будет хорошо. Сейчас просто сосредоточься на себе и ребенке.

– Как я дошла до того, что почти рожая в машине незнакомого мужчины, без мужа? – вырывается у меня с рыданиями в перемежку со стонами.

– Вот и мне интересно, где твой муж, – негромко говорит Андрей, но я его практически не слышу, усиленно дышу, как учили, выдыхая в боль.

Вскоре меня отпускает. И у меня в это мгновение вдруг такая ненависть поднимается к Диме. Как он мог?! Как?! Почему я теперь, как последняя бродяжка, буду рожать в первом попавшемся роддоме? Почему, когда мне так нужна помощь и поддержка самого родного близкого, его нет рядом?! «Потому что он трахает другую», прилетает ехидный ответ.

Обида, ненависть, стыд, весь этот коктейль чувств затапливает меня, и я начинаю задыхаться. Резкий звук тормозов и холодные руки на лице отрезвляют.

– Лина, Лина, а ну прекрати истерику! – врывается в сознание четкий приказ. Я моргаю и вижу перед собой лицо своего спасителя. А еще глаза. Серо-зеленые, с темной окантовкой по радужке. Я их вижу близко-близко, и мне кажется, что эти глаза сейчас для меня средоточие целого мира и больше ничего, кроме них нет. И именно они меня удержи-

вают и не дают потерять связь с реальностью.

– Успокоилась? – он немного встряхивает меня, все так же крепко держа мое лицо ладонями.

– Да, – шепчу я. Голос опять отказал, но шептать я могла.
– Отпусти меня.

– У вас ведь с ним что-то случилось? – с пониманием спрашивает Андрей.

– Да, – устало отвечаю и закрываю глаза. Не хочу смотреть ему в лицо, мне почему-то очень стыдно. – Он трахал в рот девушку своего лучшего друга, и я это увидела.

Крепко зажмуриваюсь и чувствую, как из уголков глаз вытекают слезы. Я чувствую, как Андрей берет мои руки и начинает их поглаживать, а потом пожимает слегка.

– Во многих религиях считается, что беременная женщина неприкосновенна и обижать женщину в таком уязвимом положении считается большим грехом. И того, кто это делает, ждет суровое и позорное наказание, – говорит Андрей и замолкает. А я открываю глаза и смотрю на него. У него на лице желваки ходят ходуном.

– Хочешь, я его убью? – на полном серьезе спрашивает он.

– Нет, нет, что ты, – я пугаюсь и у меня даже голос появляется. – Не вздумай! Не надо, пожалуйста!

– Ну вот, зато смотри, как ты воспряла, – подмигивает он, неожиданно наклоняется и целует мои руки.

– Ну что, едем дальше? Кто-то очень торопиться с тобой встретиться, – улыбается он мне, глазами показывая на жи-

вот.

– Едем, – слабо улыбаюсь ему в ответ.

Мы едем дальше в роддом под мои стоны, шумное дыхание и периодические вырывающиеся из меня ругательства и крики «Андрей, быстрее, гони, быстрее, я сейчас рожу!».

Боль становится невыносимой, и я уже ничего не замечаю. У меня только одно желание и мысль – чтобы всё это поскорее закончилось.

И я уже не замечаю, как Андрей газует, как включает на машине сирену, как мы врываемся во двор роддома, где меня подхватывают сильные руки, устраивают на каталку и меня куда-то везут.

Я замечаю только мелькающие и сливающиеся в одну линию лампочки на потолке. И это последнее, что я вижу и помню.

Глава 4

Башка трещит. Не сплю вторые сутки. Сажу на диване дома. Дверь разворочена, да и хуй с ним. Паршиво.

Особенно от мысли, что вся эта жопа из-за меня. Какого хрена я не оттолкнул Веру. Почему повёлся на неё? У меня нет ответа. Ведь жену люблю и в мыслях не было изменять. Держался, терпел, понимал, что ей и так несладко. Сколько вместе пройдено, сколько мы ждали этого малыша. Вспоминаю, как мечтали, что у нас будет трое детей. Обязательно трое. Её запах, улыбка, движения, всё проносится перед глазами как в замедленной съёмке.

В ней мне всё так дорого и ценно. Ангелина и Вера, их даже сравнивать нельзя. Ангелина чиста, как ангел. Этим она меня и привлекла, когда я обратился в маркетинговую компанию. Ко мне подошла миниатюрная, изящная девушка, которая, несмотря на свою молодость, отлично знала своё дело. Заворожила с первых слов. А после встречи я уже не мог жить без неё, она стала моим воздухом. Я почти год её добивался, но знал, пока не станет моей спать не смогу спокойно. Никакие бабы не интересовали, тем более, такие прошмандовки, как Вера. Таких, как она, в каждом клубе тусуются десятками. Достаточно показать деньги и они, как пиявки присасываются к твоему телу. Неужели я забыл об этом? Или действительно сперма в мозг ударила.

Но я ведь всегда хорошо умел контролировать свои эмоции, гордился тем, как мог пойти на блеф при договоре, и выигрывал. Я не шёл на поводу своих желаний.

Если взять того самого Бориса, то вот как раз он готов был трахать всё, что движется и нет. И зная себя, зная, как мне дорога моя жена, я просто взял и разрушил собственную семью. То, что для меня было самым ценным в жизни.

Рву верхние пуговицы на воротнике рубашки. Она душит, не даёт вдохнуть полной грудью. Эти мысли сводят с ума и от них не сбежать. Я сам во всём виноват.

Эти слова будто кто-то выжег мне в голове. Они крутятся и крутятся, заставляя снова и снова вспоминать глаза Ангелины, её всхлип. Как она стояла там, зажимая ладошкой рот. Чувствую себя полным говном. Не понимаю. Не понимаю себя. И не знаю, где теперь Ангелину искать.

Тёща не знает, где она, и дома её нет. Поиск машины привёл меня на штрафстоянку. А эти упыри твердят только заученную фразу, что ничего не знают. Единственное, что я смог выяснить, так это то, что машину привёз сотрудник полиции. А где нашли? Почему она оказалась брошенной? Куча вопросов и ни одного ответа.

Злость рвётся наружу и обрушивается на толстый стакан в моей руке. Запускаю его в стену. Стекло гулко ударяется и рассыпается на осколки. Хочется перевернуть всё. Сорваться и заглядывать в каждый дом. В каждый двор. Может, кто-то видел её. Но понимаю, что это паника. А она не лучший

помощник в поисках.

Сжимаю голову руками, сдавливаю её, чтобы заставить себя взять в руки.

Ангелина словно в воду канула. На душе паршиво, кошки скребут. С ужасом понимаю, что беспомощен, как котёнок. Вроде и связь есть, а собственную жену найти не могу. Больницы уже все обзвонил, морги, пока не решаюсь. Не хочется даже мысли такой допускать.

По гостиной проносится мелодичный звон часов, уже пять. А я нисколько не продвинулся в поиске.

Неужели всё-таки придётся идти в полицию и заявлять о её пропаже? Но для меня лучше это, чем начать обзванивать морги.

Ангелина жива, я чувствую это. И сейчас самое главное найти её. Найти мою девочку, пока не случилось ничего ужасного.

В тишине квартиры звонок телефона заставляет вздрогнуть. Хватаю его со столика, в надежде услышать новости. Я уже всех поднял на ноги. Знакомого чела попросил поискать Ангелину по городским камерам.

Но на дисплее высвечивается имя тёщи. Блядь. Не знаю, что буду ей говорить, но придётся пока врать.

– Алло?

В ответ из трубки на меня сыпется ругань.

– Дима, ты бессовестный. Как ты мог бросить мою дочь в таком состоянии. Я сейчас только что с Ангелиной разгова-

ривала. И она сказала мне, что в больнице. А тебя нет рядом! У тебя жена родила, а ты где-то шляешься!

– Ангелина родила? – меня будто током прошибает.

Сука! И всё из-за меня. Перенервничала малышка. А ей же нельзя было.

– Как она? Где она? – закидываю тёщу вопросами. Пере-крикиваю её возмущения. – Да замолчите вы уже. Просто ответьте, где Ангелина? В каком роддоме?

Глава 5

Дальнейшие события сливаются тоже в одну светящуюся линию, как лампочки на потолке. И мозг только вспышками освещает отдельные сцены. Видимо, в те короткие мгновения, когда отступает боль.

Вспышка.

Меня ввозят в родильный зал. Суета вокруг меня, осмотр, УЗИ.

Вспышка.

Врач что-то говорит медсестре, и я распознаю только слова «раскрытие три пальца, нужно еще походить».

Вспышка.

Врач помогает мне слезть с каталки, и я смотрю в ее немного уставшее лицо с добрыми глазами.

– Милая, нужно еще походить для раскрытия. Я тебе сейчас поставлю эпидуральную анестезию, небольшую дозу, чтобы ты немного выдохнула. Ты уже вымотана, а тебе еще рожать парня, – она мне подмигивает. – Он видишь у тебя какой нетерпеливый, торопыга. Такого, чтобы родить, силы нужны.

Я киваю, соглашаясь. Впрочем, сейчас я готова согласиться на все. Господи, я никогда, никогда, никогда больше не буду рожать, слышите, вы там, наверху?! Если бы я знала, что это будет *так*, поставила бы себе какую-нибудь вечную

спираль.

Видимо, я неосознанно говорю это вслух, потому что врач смеется.

– Все так говорят, ты даже не представляешь, чего я наслушалась за годы работы, а потом те же самые приходят и со вторым, и с третьим. Так что посмотрим, что ты скажешь, когда малыш будет с тобой, – она хитро улыбается и выходит.

После поставленной анестезии мне действительно становится легче. Сознание проясняется и мне удается выдохнуть. Схватки действительно измотали меня. В это время в зал ввозят каталку с роженицей. И она начинает орать так, что мне становится неудобно и стыдно. Там мат смешивается с проклятиями. Кого она проклинает, я не понимаю, то ли мужа, то ли вообще весь мужской род, начиная с Адама. Или Адам – это отец ребенка? Орущей благим матом женщине помогают забраться на кресло, и так как мне становится немного легче, я решаю пройтись по коридору, не желая видеть и слышать, как она рожает.

В коридоре натыкаюсь на сестринский пост. А еще я вдруг вспоминаю про своего спасителя, Андрея. Похоже, боль меня настолько выбила из колеи, что совершенно про него забыла.

– Скажите, пожалуйста, меня привез в роддом следователь Соколов, можно узнать, где он?

– Где, где, здесь где-то трется следователь твой, некогда мне за ним смотреть, – ворчит пожилая медсестра.

– А можно мне позвонить? – спрашиваю я.

– Не положено, – строго отрезает она.

– Пожалуйста. Я маме хочу позвонить. Никто не знает, где я. Да и вообще должна была рожать не здесь, – добавляю тихо .

Медсестра поджимает губы, но кивает на стационарный телефон. Я радостно хватаюсь за трубку и набираю мамин номер.

– Лина? Господи, Линочка, ты где? Дима рано утром звонил, тебя искал. Что случилось? – спрашивает мама обеспокоенно. И я цинично усмехаюсь про себя, – стоило пропасть, чтобы мама наконец-то обратила на меня внимание. А то в последнее время она не замечала никого, кроме своего внука, Ванюшки, сына моего старшего брата.

– Мам, всё хорошо. Ну, почти. Я немножко рожая тут, – шучу я.

– Как рожаеть, – ахает мама. – Тебе же еще две недели ходить.

– Ну вот так получилось. Мам, ты не говори Диме, где я, ладно? – прошу её.

– И что это значит? Кстати, где ты, в каком роддоме?

– В шестнадцатом. Какой был ближе всего, туда меня и отвезли. А что случилось... Спроси об этом у Димы.

– Это что такое? – слышу я грозный голос врача. – Я тебя для чего отправила сюда? Чтобы ты раскрытие нахаживала, а не по телефону трепалась! А ну марш ходить.

Я быстро прощаюсь с мамой и, увидев грозно сведенные брови врача, иду исполнять инструкции.

Схватки ощущаю, но они не такие болезненные, как были. А через какое-то время я понимаю, что что-то не так...

– Простите, у меня... – и я замолкаю, не зная, как определить свое состояние.

Врач смотрит на меня и кивает на кушетку.

– Ложись, посмотрю, – она дожидается, пока устроюсь и начинает осмотр. – Так, а нас тут полное раскрытие и головка. Люба! – кричит она медсестру. – Готовь второе кресло!

– Что, ощущения, как будто какать хочется? – улыбается она мне. Я киваю. – Потуги. Всё, милая, скоро встретишься со своим мальчишкой.

Вы спрашивали, как выглядит наш старший следователь Андрей. Вот он:)

А еще, вдруг вы не видели, что у меня в блоге мы с Чарли устроили игру в "Правда или ложь". Сегодня последний день, когда можно поучаствовать, дальше "подбиваем" результаты. Игра здесь <https://litnet.com/ru/blogs/post/554894>

Дорогие мои! Спасибо за вашу поддержку в виде комментариев и звёзд ## Как и обещала, сегодня еще одна прода,

листаем дальше ##

Глава 6

На кресло я забираюсь с трудом, мне помогает медсестра.

– Так, милая, слушай меня внимательно, – врач, я так до сих пор и не знаю ее имени, требовательно смотрит на меня. – Я знаю, что тебе сейчас очень хочется тужиться. Но. Ты делаешь это по моей отмашке, поняла? Я говорю тебе тужиться, ты тужишься, говорю терпеть – терпишь. Поняла?

Я киваю. И пытаюсь дышать, чтобы переключиться с желания поскорее исторгнуть из себя того, кто так рвется на свет.

– Давай!

И я даю. С криком, стонами, через боль, но с решимостью побыстрее родить.

– Вниз тужься, вниз! А не в глаза. Иначе будут завтра как у вампира. Давай!

– Давай, мамочка, уже почти все, последний рывок!

И вот этот последний рывок оказался действительно последним. Облегчение, невероятная легкость наваливаются и практически оглушают меня. Но тем не менее я слышу крик своего малыша. Сквозь пелену слез пытаюсь хоть что-то разглядеть, но только слышу голос врача.

– Ну что, мамочка, принимай свое чудо, – с этими словами она кладет мне на живот сморщенный комочек и накрывает нас одеялком. – Полежите пока, скоро заберем на обмер.

Смотрю на сына и меня переполняет такая эйфория, что я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть и начинаю задыхаться.

Врач с беспокойством наклоняется ко мне.

– Милая, что?

А не могу сказать ни слова, просто качаю головой и единственное что могу, это выдавить из себя шепотом «нет, нет, все хорошо, я от радости». Теперь я понимаю тех женщин, которые говорили, что вот за этот миг нереального счастья готовы беременеть и рожать еще и еще. Это круче оргазма. Это круче всего, что было и есть в моей жизни. И да, я готова испытать это снова.

– Я же тебе говорила, – смеется врач. Оказывается, я произношу эти слова вслух.

Я смотрю на сморщенное личико сына и улыбаюсь. Дима этого не увидел. Господи, какой же он идиот, что просрал эти мгновения! А ведь он собирался присутствовать на родах, я сначала его отговаривала, но он настоял на своем, и мы заключили договор с роддомом на семейные роды.

Он никогда не увидит то, как малыш трогательно тыкается в грудь, ища сосок, как ему помогает добраться до него медсестра, потому что у меня нет сил. Как он пытается вобрать в рот сосок, у него не получается и он смешно морщит нос. А потом снова утыкается лицом в грудь и затихает. Он тоже устал, мой боец.

Какое счастье, что он у меня есть! Он – теперь мой якорь. И я ради него сделаю всё.

Через некоторое время у меня его забирают, я с беспокойством слежу, куда его уносят. Но медсестра тут же в зале делает измерения.

– Ну что, мамочка, учитывая твои неполные тридцать восемь недель, отличный малыш получился. Вес два девятьсот, рост сорок девять, по Апгар восемь-восемь. Подкормишь и будет богатырем, – с этими словами она возвращает мне сына, уже обтертого, в шапочке, распашонке и в одеялке.

Нас везут в послеродовое отделение. Но каталка не может въехать в проем. Я слезаю с кряхтением при помощи медсестры, держу малыша на руках и потихоньку вхожу в палату.

Она действительно оказывается одноместной, как же Андрею удалось этого добиться? Меня затапливает такая благодарность к этому, по сути, абсолютно постороннему и чужому мужчине, что у меня опять начинают литься слезы. Наверное, это что-то гормональное, я никогда раньше не рыдала по малейшему поводу.

Мы с малышом остаемся одни. Медсестра укладывает его в прозрачную люльку на колесиках, но когда она уходит, я достаю его и кладу рядом на кровать.

– Ну, здравствуй, – шепотом говорю ему и рассматриваю его.

Какой же он красивый! Если в родильном зале он больше походил на сморщенного старичка, то сейчас морщинки разгладились, личико посветлело. Он смешно морщит носик и причмокивает губами. Такими же как у Димы. Он вообще

– его маленькая копия. Темные брови вразлет, чувственные губы. Интересно, какие у него будут глаза? Димины зеленые или мои голубые? Он пока спит, и я не решаюсь его будить.

– Ты храбр, как Лев. Вот и будешь Львом, да, малыш? А папа твой пусть захлебывается завистью, что его нет с нами в такой момент.

Я рассматриваю моего Львенка и опять поражаюсь сходством. И вспоминаю нашу первую встречу с Димой.

В тот день я была завалена работой по самые уши. Это был ноябрь, и уже начиная с октября крупные компании начинали предпраздничные рекламные акции и активности. А мне, как ведущему маркетологу, нужно было продумать стратегии кампаний и написать тех задания исполнителям. И я как раз собиралась сделать перерыв на кофе, чтобы выдохнуть. После очередного нервного разговора с недовольным клиентом я бешеной фурией пронеслась к выходу из кабинета и с размаху врезалась в чью-то твердую грудь.

– Черт, вы что, не смотрите, куда идете? – я попыталась обогнуть его и выйти, но он крепко схватил меня за руку.

– А где извинения? – низким голосом ответили мне откуда-то сверху.

– С чего вдруг? – я вопросительно подняла брови и наконец посмотрела хаму в лицо. И следующие слова застряли в горле. Мужчина был красив. Мощная фигура человека, которые не просто качается в зале, но занимается определенным видом спорта. Интересно, каким? А сочетание темных

волос и бровей с зеленым цветом глаз было убойным.

– Нравлюсь? – широко улыбнулся он. А я фыркнула. Мало того, что хам, так еще и самомнение зашкаливало.

Я протиснулась мимо него в проем и добралась до вожденного кофе. А когда вернулась в кабинет, он там уже беседовал с моим руководителем.

– А, вот и Линочка, – весело обратился ко мне Валерий Петрович, директор нашего агентства. – Она и возьмется за ваш проект.

Хамоватый самец с зашкаливающим уровнем тестостерона и дофамина развернулся ко мне.

– А нельзя найти кого-то более... ммм... солидного?

«Ах ты, сволочь», – подумала я про себя и мило ему улыбнулась. Но по всей видимости моя улыбка больше походила на оскал, потому что самец хищно прищурился и тоже улыбнулся.

– А что, пожалуй, это будет интересно. Я беру эту вашу Лину, – глядя мне в глаза, сказал он и отвернулся, потеряв ко мне всякий интерес.

И дальше началось «взятие Брестской крепости», то есть, меня. Я долгое время не могла понять, это что – какая-то игра, или может быть он поспорил с друзьями, что охмурит меня? Но, как говорят, вода камень точит. В какой-то момент я поняла, что жду очередного хода Димы, и сама не заметила, как попала в ту ловушку, которую он для меня расставил, и провалилась в кроличью нору под названием «любовь».

Лева кряхтит, открывает глазки и начинает хныкать. Я теряюсь. А что с ним делать? Беру его на руки, прикладываю к груди, как научила медсестра. Лёва так сильно ухватывается за сосок, что мне больно. Ух, голодный и жадный. Как и папочка...

Лёву хватает ненадолго, он сосет совсем немного и засыпает с соском во рту. Приоткрывает ротик и сосок выскальзывает наружу. Я вздрагиваю от холода, осторожно перекладываю сына в люльку. Тут мой взгляд падает на настенные часы. Они показывают начало пятого.

Выглядываю в коридор и иду к посту, чтобы позвонить маме. В послеродовом сестричка на посту гораздо добрее и отзывчивее, с улыбкой разрешает воспользоваться аппаратом.

– Мама, это я. Я родила сына Леву.

Глава 7

– Она просила не рассказывать тебе, где она, – кричит мне в трубку Зоя Андреевна. – Не хочешь рассказать что между вами произошло?

Что произошло? Рассказать теще о своём косяке равносильно отказу от семьи.

– Мы немного поругались с ней. Ну вы же понимаете – гормоны, беременность. Она обиделась и уехала. Я не успел догнать. А теперь вот от вас узнаю, что она родила. Представляете каково мне сейчас. Я не знаю где моя жена и мой сын.

Не знаю, что больше действует: моё искреннее раскаяние или маленькая ложь, но Зоя Андреевна диктует адрес больницы.

Не помню сказал ли ей “спасибо”, скидываю звонок. На ходу накидываю пальто. Благо машина на месте. Ещё Вовану надо ключи от его тачки завезти, но это позже, сейчас главное доехать до больницы и пробиться к Ангелине. Совсем забыл спросить как роды прошли... Ладно, сам у врачей спрошу.

Спускаюсь к парковке. Но не успеваю даже сесть в машину, как снова кто-то звонит. С работы.

– Дмитрий Николаевич! – кричит прораб. – У нас чп. Стена упала. Серова завалило. Всего переломало.

– Блять! – этого ещё сейчас не хватало. – Что по технике безопасности?

– Да всё вроде нормально было.

– Начальник участка где?

– Ещё не приехал.

– Серов где?

– На скорой увезли.

– Жди Воропанова, пусть мне потом отзвонится. Мне сейчас некогда. Завтра буду решать.

– Хорошо, Дмитрий Николаевич. Так и сделаю. Скажу.

Сажусь в машину. Выдыхаю. Смотрю перед собой. Пиздец какой-то. Сейчас проверками замучают. Ладно проверки. Хоть бы выжил. Смертей мне ещё на этом объекте не хватало. Подумаю об этом потом. Сейчас надо к Ангелине добраться. Трогаюсь. Врубаю Металлику, чтобы тяжёлые ба-сы выбили нахрен все мысли, хотя бы на время дороги.

И пока низкий баритон Хэтфилда выводит рычащие звуки, в голове пустота. Не позволяю себе думать ни о чем.

Почти час добираюсь по пробкам до больницы. Вид не самого нового здания заставляет напрячься. И стоило заранее оплачивать место в лучшем роддоме, если всё равно в шарашку попала. Денег не жалко. Бесит, что всё вот так получилось. Через жопу. А ведь готовились. Всё продумывали заранее.

Вылезаю из машины. Поднимаюсь по ступеням. На посту сидит старенькая медсестра.

– Здравствуйте! К вам сегодня Орлову привезли, насколько знаю, уже родила. Как мне её увидеть?

Медсестра окидывает меня недобрым взглядом и нехотя отвечает:

– Никак. Жди, когда выпишут.

– Как это жди? Я жену и сына видеть хочу.

– Да хоть сколько хоти. Правила есть. В роддом никого не пускать.

– Да блять! Везде уже пускают, только бахилы и халат заставляют надевать.

– А у нас не положено. Ясно?

– И платных услуг таких нет? – может хоть на деньги поведется, но её взгляд становится ещё злее.

– Ага, сейчас из под стола прайс достану и озвучу.

Ну ок. Отхожу. Ничего, вспоминаю, кто из знакомых может порешать этот вопрос.

Входная дверь хлопает, впуская ещё одного посетителя. Высокий мужик, с пакетом, видимо передачку принес жене.

Блять, надо было тоже Ангелине сумку привезти. Забыл совсем.

– Орловой из восьмой палаты. Можете передать? Привезли её сегодня, экстренные роды. Без вещей была.

Орлова?

Смотрю на мужика внимательнее. Что за хрен? Первый раз вижу его, какого черта он тут ошивается? Я чего-то не знаю о своей жене?

Медсестра же перед ним совсем другим человеком становится. И “здравствуйте” и “конечно, конечно” – сучка старая.

Жду когда отойдет от неё, и как только вижу, что он направляется к выходу, иду наперерез.

– Эй, постой, поговорить надо.

– Слушаю.

Смотрит внимательно, с интересом.

– А кем вам Орлова приходится?

Молчит, прищуривает глаза.

– А вы, наверно, тот самый муж, из-за которого Ангелина в машине на трассе оказалась. Одна ещё и раздетая.

– Нехорошо отвечать вопросом на вопрос, – стараюсь говорить как можно строже, чтобы продавить его взглядом, уверенностью. Срабатывает в девяносто девяти случаях. Но этот как стоял, так и стоит.

– А по мне так плохо изменять беременной жене, – парирует в ответ.

Посмотрите-ка, идеальный какой. Кто знает, как бы ты поступил на моём месте. Злость так и бурлит внутри, но сдерживаю себя. Драка мне здесь ни к чему.

– Давай не будем сейчас обсуждать мой поступок. Это я сделаю со своей женой. Ты мне на вопрос ответь, откуда её знаешь?

– Так ты Ангелину и спроси. Если, конечно, сможешь поговорить с ней, – усмехается сволочь.

– Всё ясно. Сильно правильный, да?

– Что вы к мужчине пристали? Лучше бы спасибо ему сказали, это он вашу жену привез, – вступается за незнакомца медсестра.

Так вот кому я обязан за помощь. Но благодарить его мне совсем не хочется. Чувствую в нем соперника.

– Ну раз так. Благодарю за своевременную помощь моей жене. Мог бы и сам сказать, что это ты Ангелину привёз.

– Мог, – соглашается незнакомец.

– А имя-то твоё можно узнать?

– Для чего тебе моё имя?

– Отблагодарить хочу.

– Мне благодарность не нужна. Главное, смог помочь и вовремя привёз. Каждый бы на моём месте поступил так же.

Дорогие наши! Спасибо за вашу активность, за звезды! Сердечно благодарим вас за награды ## Это невероятно вдохновляет и поддерживает топливо в нашем творческом котле :))

Глава 8

Мама, конечно, разошлась, распереживалась.

– Я не поняла, Лина, ты что, рожаеть одна? И сейчас там тоже совсем одна? А где шастает твой ненаглядный?

– Ма, ну давай без нравоучений только сейчас, хорошо? У меня совершенно нет сил, я вообще-то родила недавно и вышла только тебе сообщить, чтобы не волновалась.

– А то, что я теперь буду, как на иголках, ты не подумала? – всё понятно, мама, как обычно, все свела к себе, любимой. Я морщусь.

– Ладно, мам, пока, мне пора, я Леву одного оставила, – быстро прощаюсь и кладу трубку. И сразу же понимаю, что не попросила ее прислать мне хоть какие-то средства гигиены и вещи для малыша. Но перезванивать уже не решаюсь. Нет уж, сил нет и так, а если еще раз услышу мамины причитания, то не выдержу. А она даже не спросила, как я или внук и все ли с ним хорошо.

Слезы уже готовы брызнуть из глаз, но тут я слышу детский плач и узнаю голос своего сына. Влетаю в палату. Это точно он. Кричит, захлебываясь, так, что даже краснеет от натуги. Беру его поскорее из люльки и даю грудь. Он хватает её жадно, сжимая с силой беззубыми деснами.

– Ох. Как же будет, когда у тебя отрастут зубки, – охаю я и сажусь на кровать, облакачиваюсь на спинку. Смотрю в ок-

но. Всего лишь пятый час дня, но уже темно. И только снежинки тихо падают в свете уличных фонарей. Сын тихонько посапывает на локте. А я вспоминаю совсем другой день.

В тот день я чувствовала себя не очень хорошо, низ живота потягивало. Я лежала и читала книгу, когда в комнату ворвался Дима.

– У меня для тебя сюрприз, поня! – его распирало от желания поделиться.

Я только фыркнула на это прозвище, которое он придумал для меня и смысл которого знали только мы.

– Что там? Ты сейчас взорвешься от радости, – рассмеялась я.

А Димка плюхнулся рядом со мной на кровать, обнял и уткнулся носом в шею.

– Ммм, как ты вкусно пахнешь, – промычал он мне в шею и лизнул. Я от неожиданности дернулась. А потом подалась навстречу. У нас давно не было секса, и я тоже была не железной. Дима уже прокладывал дорожку из поцелуев ниже и ниже.

– У тебя сейчас просто охуенная грудь, понь, – хрипло сказал он и освободил из мягкого домашнего платья одну грудь. Взял в рот сосок и слегка прикусил. Тело заныло, отзываясь ноющей болью внизу живота. Я со стоном выгнулась навстречу губам. И, похоже, этот стон отрезвил нас обоих.

– Прости, увлекся, – хрипло пробормотал Дима, запахивая на мне платье. – Но я так соскучился... Давай полежим

так, ладно?

И он обнял меня со спины, подминая под свой бок. Я подалась ягодицами к нему навстречу, ощущая всю мощь его «соскучился».

– Не провоцируй меня, а то не расскажу про сюрприз, – шутливо пригрозил он, прикусив мочку уха.

– Кстати, да, что там за сюрприз? – у меня голос был не менее хриплым, чем у него.

Я почувствовала, как Дима прижался ко мне сзади, потом немного закопошился и перед моим лицом возникла подвеска с переплетенными между собой буквами А и Д на цепочке из белого золота. Я восхищенно выдохнула.

А Дима уже застегивал ее на моей шее.

– Нравится? – спросил он меня на ушко.

– Очень!

– А еще я нашел одно охрененное место. Поедем всей нашей компашкой праздновать Новый год.

Оказывается, на все новогодние каникулы Дима с друзьями снял загородный трехэтажный коттедж в лесу. Дом больше походил на средневековый замок в миниатюре. А когда мы приезжаем туда, то действительно оказывается даже лучше рекламных проспектов. Мне кажется, тут есть всё: и баня, и СПА-центр, и бассейн, и бильярдный стол, и кальянная комната. В ухоженном дворе растут голубые ели. А сам коттедж находится в лесу на закрытой территории, куда просто так без разрешения не заехать.

Кроме нас здесь еще три семейные пары и друг Димы Борис. Он единственный из их компании не женат, но приехал с подругой.

Красивая, ухоженная, с потрясающей фигурой, при взгляде на которую даже у меня вырвался вздох восхищения и зависти. Когда она вошла в дом, скинула шубку на руки Борису и повернулась к нам спиной, вся мужская половина присвистнула, а кто-то из них негромко произнес: «Зачётная жопа». На что Боря самодовольно улыбнулся, провел по «зачетной жопе» рукой и ответил, что «да, сам каждый раз слюни подбираю, когда на нее смотрю».

Вера, так звали обладательницу фигурой богини, обладала не только красивым телом, но и вполне симпатичным личиком. Большие оленьи глаза с поволокой и пушистыми ресницами, высокие скулы, пухлый губы. Надо сказать, губы у нее такие от природы, а не накачены гиалуронкой.

– Мда, – только и сказал Дима, оглядев ее с ног до головы. А у меня зашевелилось внутри что-то неприятное, темное.

А Вера стрельнула на Диму взглядом, повела плечиком и улыбнулась. Как мне тогда показалось, слишком призывно. Я посмотрела на других присутствующих женщины увидела, что так показалось не только мне. Женская часть нашей компании вся разом помрачнела и нахмурилась. Но потом оказалось, что Вера не сводит влюбленных глаз с Бори и на других мужчин, казалось, и не обращает внимание. И мы с девочками с облегчением выдохнули.

Лёва кряхтит, возвращая меня в реальность. Судя по запаху, ему нужно поменять подгузник. Черт, а у меня же ничего нет. Я запахиваю сорочку, беру Леву на руки и вместе с ним выхожу в коридор к посту.

– Орлова, а я как раз к тебе собиралась. Тут тебе записка, – сестричка передает мне листок бумаги, где достаточно корявым почерком было написано:

«Лина, поздравляю с сыном! К сожалению, я больше не могу остаться, работа зовет. Напиши мне и передай через медсестру, что тебе купить и привезти. Я привезу. Андрей.

П.С. Напиши, как назвала сына!»

– А можно у вас попросить листок бумаги и ручку? Я напишу записку, а вы сможете ее передать тому, кто принес эту? Пожалуйста! – я с надеждой смотрю на медсестру. Она с улыбкой кивает.

– Заботливый у вас муж. И так переживал за вас! Каждый час названивал.

– Да уж... муж, – бормочу я и пишу ответную записку.

«Андрей, мне так приятно, что ты остался, спасибо тебе за все! Если можно, купи подгузников пачку, влажные салфетки, крем под подгузник, зубную пасту, щетку, мыло. Я тебе обязательно верну деньги!»

П.С. Сына назвала Львом, rrr :)

А вот так выглядит чуть подросший Лёвушка. И глаза у него оказались папиными, зелёными:)

Глава 9

Смотрю в спину уходящему незнакомцу, который спас Ангелину. Утырок.

Узнать, как его зовут, не проблема.

Медсестра не сводит с меня глаз. Выхожу вслед за спасителем Ангелины. Прослеживаю взглядом за ним. А он садится в полицейскую машину.

Интересно... Проезжал мимо и помог моему Ангелу. Что ж, достойный поступок. Надо будет пробить его номер. Может, узнаю о нем что-нибудь. Повторяю несколько раз цифры номера, чтобы запомнить.

А сейчас придется вернуться домой за вещами. Это моя ошибка. То, что надо было взять сумку совсем вылетело из головы. Он, конечно, молодец. Помог. Но вот этот его осуждающий взгляд бесит. Знаю я, что сам виноват. Косячу во всём. Стоило один раз оступить и это тянет за собой проблемы, которые не хотят заканчиваться. Наоборот, словно снежный ком, на который налипает всё больше проблем.

Иду в виднеющийся у соседнего дома магазинчик, покупаю пачку сигарет. Два года уже не курил. Но сейчас мне необходимо затянуться. Не нравится мне, как я себя веду.

Пора заканчивать пороть горячку. Спокойно и ровно обдумать ситуацию. Продумать стратегию. Учесть все подводные камни. Сумел же я влюбить в себя Лину в первый раз. Сейчас предстоит работа не легче. Вернуть её доверие будет очень сложно.

Затягиваюсь. Дым прошибает легкие, горло сдавливают непривычки, я закашливаюсь, но упрямо делаю новую затяжку. Закрываю глаза, перебираю в голове всех знакомых, кто как-то связан с медициной. Мне надо сегодня же попасть в палату к жене. Надо. Я должен поговорить с Линой. Должен знать, что с ней и малышом, всё хорошо. И пока не увижу собственными глазами её здоровую и невредимую, не успокоюсь.

Голова слегка кружится, мысли размываются. Не получается сосредоточиться. Надо поспать, но сейчас некогда.

Сажусь за руль, гоню до дома настолько, насколько позволяет снег и движение на улицах в это время. В голове пусто. Ни эмоций, ни мыслей. Едва сдерживаюсь, чтобы не втопить педаль газа и не помчаться, нарушая все правила. Хочется поскорее доехать. Поскорее привезти вещи Лине. Поскорее увидеть её, а приходится тащиться по скользким улицам.

Раздаётся звонок. О, Вован. Не вовремя. Некогда мне сейчас ключи ему везти.

– Димон, ты где потерялся? Что у вас там случилось? Ты бы хоть позвонил, сказал. Мы ведь переживаем.

Точно. А я забыл им позвонить. Он же еще про Лину не знает.

– Да, ничего хорошего. Ангелину недавно отыскал. У нее схватки в дороге начались. Какой-то мент помог ей до больницы добраться. Она там и родила. Вот еду за вещами, чтобы ей передать. Она же уехала в одном халате.

– Ого! Ну у вас и страсти развернулись. Помощь нужна?

– Пока нет... Хотя если есть кто-то знакомый среди медицинской верхушки, то мог бы пригодиться. Меня к Ангелине в палату не пускают.

– Так нигде не пускают, насколько я знаю.

– Да похуй. Я должен поговорить с Ангелиной. И я это сделаю, с твоей помощью или нет.

– Ладно, не кипятись. Есть у меня один знакомый чел. Сейчас позвоню узнаю, – успокаивает меня Вовка.

– Я буду тебе по гроб жизни обязан. Кстати, ключи смогу завтра привезти, или сегодня вечером, если торопишься.

– Смотри сам. Как тебе удобно будет.

Скидываю звонок.

Ну вот, одной проблемой меньше. Нужный человек найден. Поговорю с ним и всё.

Доезжаю до дома уже в более приподнятом настроении. Хватаю сумку, которую Ангелина приготовила заранее, её телефон, зарядку. И несусь назад.

Как раз приходит смс от Вовки: “Скажешь, что ты от Льва Николаевича Баксакова, тебя пропустят”. Ну раз так написал, значит, надо запомнить эти магические слова, которые могут открыть потайную дверь.

Усмехаюсь собственным мыслям. Хотя нет ничего смешного. Не знаю, что буду говорить Лине, но нутром чувствую, что мне надо быть с ней сейчас рядом.

Стоит мне только появиться, меня уже атакуют двое. Старая медсестра подключает охранника.

– Посещения закончились. Приезжайте завтра, – бурчит сердито.

– Я от Льва Николаевича Баксакова. Он разрешил пройти к жене и вещи отнести.

Глаза с набрякшими веками открываются так широко, что мне становится видно голубую радужку глаз медсестры.

– Настырный какой. Уже и до главврача дошёл, – а тон остаётся всё тот же недовольный. – А вот и проверю. Сейчас.

Уходит куда-то, возвращается минут через пять и зовёт за собой.

– Пять минут у тебя. Вещи отдашь, ребенка посмотришь и всё. И не смей руки к малышу тянуть.

– Хорошо.

Сует мне в руки халат, шапочку одноразовую, бахилы. Руки заставляет обработать дезинфектором. Поднимаемся по лестнице на третий этаж. Подхожу к восьмой палате. Толкаю дверь.

Удивленно отмечаю, что палата одноместная. Это очень хорошо, сможем нормально поговорить. На одноместной кровати, свернувшись вокруг маленького комочка, лежит Ангелина. Не спит.

Увидев меня, вздрагивает. Медленно поднимается на руках.

– Зачем...

– Тсс, не ругайся. Я сумку привёз и твой телефон.

Стою на месте, хотя хочется подойти и обнять её, но какой-то внутренний страх сдерживает. Вдруг нельзя, вдруг больно сделаю.

Она неловко встаёт с кровати, заметно, что двигается с трудом.

– Понь, с тобой всё хорошо?

Подходит ближе.

– Какого чёрта ты припёрся? И перестань меня так по-дурацки называть! – злобно шипит на меня.

Слова её стегают не хуже длинного ремня с бляхой, которым так любил воспитывать меня отец.

– Я переживал.

– Зачем? У тебя же теперь новая игрушка. Вот и вали к ней, – рвёт цепочку с шеи, которую я подарил накануне и швыряет в меня. – И свой подарок заberi.

– Ангелина... Я знаю, что накосячил. Знаю, что ты обижена. Я сам себя за это ненавижу, но, пожалуйста, не принимай поспешных решений.

– Уходи. Не хочу больше ни видеть тебя, ни слышать. Никогда не прощу. Слышишь? Никогда.

– Ангелина...

– Уходи!

В палату заглядывает медсестра.

– Время закончилось.

Мне хочется сказать Лине миллион слов. Сказать, как сильно её люблю и, что Вера ничего для меня не значит, но смотрю на неё и понимаю – сейчас все мои слова наткнутся на стену, которой она себя окружила.

Отступаю.

– Хорошо. Если что-то надо будет напиши или позвони.

Выхожу.

Глава 10

Я учусь быть мамой. Оказывается, теория очень сильно отличается от практики. Я пол беременности просидела на Литтлване, читая всё про грудное вскармливание. Ха.

В общем, я сейчас чувствую себя так, как будто мне выдали жутко умный и продвинутый гаджет с ПО на китайском языке, а инструкцию приложить забыли. Начиная с того, почему не идет молоко и когда оно пойдет, заканчивая тем, а нужно ли пеленать малыша.

Я в полнейшей растерянности снимаю шапочку и глажу темные волосики сына. Молока еще не было, и как мне объяснила медсестра, это нормально. Пару дней пойдет молозиво и придет молоко.

– А пока, мамочка, успокойтесь, кушайте, спите, общайтесь с малышом. Он у вас, кстати, очень спокойный, так что наслаждайтесь покоем, – с улыбкой говорит она.

За всеми этими заботами я забываю обо всем остальном. Днем было не до мыслей. Пока придет очередной врач, пока я покормлю Леву, пока мы с ним поспим, – время проносилось очень быстро.

Но стоило дню закончиться, как обходы врачей прекращались и наступала тишина. И одновременно моя мука. Потому что именно тогда на меня наваливались воспоминания и мысли.

Лева засыпает, в коридоре тоже тихо, и даже не слышно плача малышей из других палат. Я тереблю кулон, который мне Дима подарил накануне. Жмурюсь от нахлынувшей боли в сердце и утыкаюсь носом в макушку сына. От него невероятно пахнет. Молоком, уютом и чем-то таким родным, что излучает только твой малыш. Меня успокаивает его запах и мирное посапывание носика, который еще не до конца протиснулся.

А мысли снова возвращаются к Диме. Почему? Ему не хватало секса? Но мы вроде разговаривали с ним, и он всегда говорил, что это не важно и не главное в наших отношениях. Но оказывается, все-таки он в этом ошибся. Или врал? А может, у него всегда кто-то был, обжигает меня внезапная мысль. Да нет, не может быть, я бы поняла.

«Интересно, каким образом ты бы поняла, ты же была с беременным мозгом, ничего не замечала вокруг», говорит кто-то вредный внутри.

А вдруг это я во всем виновата?

Эта мысль настойчиво бьется в виски и не дает покоя.

Дверь бесшумно открывается и показывается голова медсестры.

– Орлова, я тут почтальоном не нанималась, – шепотом ворчит медсестра, передавая мне пакет.

В пакете вижу записку:

«Надеюсь, я все купил правильно. Вот мой номер, звони сразу же, как только что-то будет нужно. Я теперь чув-

ствую за тебя ответственность:» Андрей»

И ниже – его номер мобильного.

Внутри разливается тепло от того, что мне повезло наткнуться на трассе на такого человека. Сердце затапливает благодарность.

Мы с Лёвушкой засыпаем, а будет меня неясный шум. Я скидываю голову и мне хочется шипеть кошкой. Что он здесь делает? Как попал? Какое право имеет здесь находиться? И уже нет того чувства вины, что во всем я сама виновата. Есть только желание избавиться от него, не видеть, не слышать. А еще – защитить сына. Я инстинктивно закрываю собой Леву.

– Что ты здесь делаешь? – шиплю я. – Зачем явился?

Но из-за пелены, которая застилает мне не только глаза, но и всё сознание, я ничего не вижу и не слышу, что говорит Дима. Я чувствую только, что его подарок-подвеска прожигает мне грудь, сдираю ее с себя и швыряю ему в лицо.

– Уходи!

Я бросаюсь на кровать, слезы льются по лицу, но я думаю только о том, чтобы не испугать сына. Удивительно, но он спит.

Я лежу, смотрю в окно на освещенную фонарями улицу и думаю, думаю, думаю. Слезы стекают в бок и под щекой наволочка подушки намокает насквозь. Я вытираю слезы, но они все никак не хотят останавливаться. Встаю, чтобы умыться лицо водой и только сейчас замечаю, что посередине палаты

стоит моя послеродовая сумка.

Открываю ее. Здесь всё, что я с такой любовью собирала, тогда... Когда думала, что счастлива и любима, когда при покупке вот этого конверта на выписку представляла, как он будет смотреться в руках счастливого отца, когда...

Я встряхиваю головой. Лина, соберись, достаточно самостязаний. У тебя есть сын, у тебя есть родные, у тебя есть голова на плечах и отличная профессия, денежная. Справишься.

«А еще у тебя есть Андрей», никак не может уговорить меня мой внутренний голос. Рука натыкается на смартфон. Я нервно и в нерешительности кручу его.

А потом загружаю мессенджер, вбиваю номер телефона и пишу сообщение.

«Я теперь при связи. Лина»

На большее я не решаюсь, да и не хочу. Зачем навязываться человеку, пусть даже такому хорошему как Андрей?

Телефон пиликнул ответным сообщением сразу же, как будто Андрей сидел и ждал от меня известий.

А: «Когда тебя выписывают, уже известно?»

Л: «Да, мне сегодня сказали, что выписка на четвертый день»

А: «Я приеду за вами. И даже не спорь!»

Я улыбнулась. Именно это я и хотела сделать – поспорить, отказаться и сделать все самой.

Л: «Я как раз собиралась отказаться, но ты меня опере-

дил :)»

А: *«Я знаю, поэтому так и написал. Напиши в день выписки время, хорошо?»*

Я шлю согласный смайл и отключаюсь.

А в день выписки я нервничаю и дергаюсь. Заранее договариваюсь с мамой, что приеду к ней. Чувствую, меня ждет непростое испытание – нужно будет отбиваться от маминых вопросов и нравоучений от «я же тебе говорила» до «и в кого ты у меня такая непутевая».

– Орлова, выпишем вас сегодня пораньше, – сообщает мне с улыбкой врач, которая пришла на последний обход, уже с документами. – У вас все хорошо, смысла вас держать дольше нет. Так что обрадуйте вашего папу, а то извелся наверняка.

Я киваю и действительно берусь за телефон. Вот только пишу не нашему папе.

«Нас выписывают пораньше, в пятнадцать тридцать сможешь приехать?»

Телефон сразу же пикинул в ответ.

«Конечно. Буду ждать внизу».

В назначенное время мы спускаемся вниз, в комнате выписки я переодеваюсь, а Леву упаковывает в конверт медсестра и с улыбкой вручает мне его.

– Славный малыш, спокойный, даже не проснулся. Ну что, ждем вас снова, – с этими словами она вкладывает мне в руки укутанного сына и открывает передо мной дверь в холл,

где обычно ждут нетерпеливые папы и родственники.

Сердце пронзает боль, когда я вижу Андрея. Не этот мужчина должен меня встречать, всё не так, всё неправильно! И я дергаюсь назад. Надо позвонить Диме, надо ему сообщить... Но память услужливо подкидывает нужные кадры и морок слетает.

Я встряхиваю волосами и с улыбкой иду навстречу мужчине.

Совершенно чужому мужчине, который за такое короткое время стал ближе и роднее, чем собственный муж.

Дорогие мои! В блоге вышли результаты нашей игры "Правда или ложь", еще не все пришли за подарком:) Всех жду здесь <https://litnet.com/ru/blogs/post/558774>

♥#

А еще я вчера стартовала с новой историей "Развод. Сердце забираю с собой", приходите читать, буду очень рада ##

<https://litnet.com/ru/book/razvod-serdce-zabirayu-s-soboi-b464586>

Будет эмоционально и непросто. И в комментариях у нас уже жара :)

Аннотация:

– Вера, ты что, вернулась?

– А ты меня, я вижу, не ждал, – сухо констатирую я, хотя мне хочется отвесить ему оплеуху.

– Почему же, ждал, – усмехается он.

– И готовился, да? – киваю на девицу, которая уже прекратила визжать, прошла в ванную. Мою ванную. И взяла моё полотенце.

Все четырнадцать лет брака я пребывала в счастливом неведении о том, что мужу скучна наша семейная жизнь. Как оказалось, он хотел совершенно иного. И я это вижу, когда неожиданно возвращаюсь домой.

Глава 11

Выхожу из палаты, а ноги не идут. Тяжесть такая, будто на меня все проблемы мира навалились.

Наверно, только сейчас я начинаю ощущать, насколько Лина обижена и зла. И я впервые задумываюсь, что она может не простить. Грудь рвёт от боли, выворачивает. В затылке стучит тупая боль, давит виски. Делаю судорожный вдох, словно забыл, как дышать. Так и есть, Ангелина была моим воздухом, а теперь даже дышать тяжело.

Не помню, как спускаюсь. Перед машиной снова закуриваю сигарету. Затягиваюсь.

Тошнота подкатывает к горлу. Вспоминаю, что сегодня ещё ничего не ел. Но есть и не хочется. Я бы лучше выпил чего-нибудь крепкого.

Докуриваю, сажусь в машину.

Гоню.

Вслушиваюсь в музыку, снова и снова прокручиваю, как Ангелина шипит на меня, как швыряет цепочку. Я ведь её специально заказал, хотел чтобы у неё всегда было напоминание обо мне.

Дома тихо и темно. В одиночестве мысли давят ещё сильнее.

Наваливаются воспоминания, как я сидел в такой же тишине ночью перед гробом с мамой. Мне было пятнадцать, когда она умерла. Я ненавидел себя в то время, потому что считал, что она из-за меня руки на себя наложила. Надо было в тот вечер никуда не уходить. Она просила. А я, как последняя сволочь, ушёл, друзья казались для меня намного важнее. А через два часа, когда подходил к дому, заметил скорую. И даже сердце ни разу не ёкнуло.

В ту ночь я долго просил мать в мыслях простить меня. И обещал, что больше никогда не буду равнодушным к своим родным.

Но прошло двадцать лет и снова забыл. Забыл про это обещание. Лью в стакан янтарную жидкость. Делаю глоток. Не чувствую ничего. Даже виски не может заглушить боль.

Сейчас я чувствую себя так же, как и двадцать лет назад. Знаю, что виноват. Страх накатывает внезапно, хватается за горло, чёрной вязкой массой заползает под одежду.

Нет.

Не могу быть один. Я просто свихнусь от собственных

мыслей. Мне бы уснуть, да только сердце учащённо бьётся, пульс зашкаливает. В таком состоянии точно не усну.

Беру пальто, Вовкины ключи. Отвезу ему машину. Займу мысли. И похрен, что выпил.

Выскакиваю из квартиры, будто за мной гонятся монстры, захлопываю дверь и несусь вниз, перешагивая через две ступеньки.

– Выходи, машину тебе привёз, – сообщаю Вовану по телефону.

– На хрен? Я же сказал, как сможешь.

– Вот сейчас и смог, – бурчу в ответ, не объяснять же, что без Лины квартира стенами давит.

– Ну, припаркуйся и заходи.

– Хорошо. Сейчас.

Вован живёт в центральном районе, в элитной многоэтажке. Поднимаюсь на девятый этаж. Дверь открывает его жена Люба.

– Как ты? Нашёл Ангелину? Где она? – засыпает меня вопросами.

– Да. Всё норм. Родила. Сына. Завтра с врачом созвонюсь, узнаю про самочувствие, сегодня уже поздно было.

Вовка выходит навстречу.

– Так ты что, к ней в палату не прорвался?

– Почему? Прорвался.

– Давай заходи. Расскажешь.

– Дима, ты ужинать с нами будешь? – суется Люба.

– Если только кофе выпью.

В столовой просторно, всё как в элитных дорогих домах. Большой овальный стол на шесть персон. Занимаю крайний стул.

– Так, я не понял. Ты серьёзно поддался чарам Веры?

– А ты типа нет.

Вовка украдкой смотрит в сторону кухни, где Люба наливает кофе.

– Не, ну внешность у неё зачётная. Но ты разве не знаешь, где Бориска таких дамберёт.

– Слушай, знаю я всё. Сам не понимаю, как получилось. Ушёл полежать, глаза открываю, она стоит. Как помутнение.

– Не, я-то тебя не осуждаю. Просто надо было место другое выбрать хотя бы, а то под боком у жены.

– Вован, заткнись. Ты думаешь, я себе этого не говорил? Весь день в голове этот вопрос. На хуя?

– Так Ангелина значит всё видела?

Киваю.

Люба приносит кофе, ставит кружку рядом со мной.

– А как там малыш? Ты видел его? – интересуется Люба.

– Видел. Издалека. Он спал. А она слушать ничего не захотела.

– Не, ну это понятно. Надо подождать. Да Люба? – Вовка, смотрит на Любу, ищет поддержку у жены.

– Ой, не знаю. Я бы убила за измену.

– Спасибо, обнадёжила, – усмехаюсь с горечью.

– Но я думаю, Вова прав, надо подождать. Дать ей остыть.

Ну и, конечно, окружить её любовью и заботой. Всё-таки у вас семья, малыш теперь есть. Она же должна понимать, что ты не бабник, всегда верным был.

– Надеюсь, что ты права. В любом случае я не отступлю.

– Вот и правильно. Не отступай.

*** **

Оглядываю детскую. Мы с Ангелиной приготовили всё заранее. Она всё боялась не успеть.

Последние три дня я старался к ней не лезть, не звонить. Дал остыть. Всё ждал, что может сама напишет, но понимал, что это глупо. Не такой характер у неё, чтобы забыть обиду на следующий день.

Проверяю, крепко ли закреплена надпись на стене “Спасибо, за сына”. Воздушные шарiki закрывают почти весь потолок.

Вчера готовился весь день. Заказал торт. Проследил, чтобы уборщица всё тщательно прибрала.

Врач сказал, что выписка начинается с четырёх. Ещё раз осматриваю квартиру. Вроде всё нормально. Но терпения уже не хватает и выхожу из дома раньше. Лучше в машине посижу, подожду. По дороге заезжаю за букетами врачам и Ангелине. Шампанское и конфеты закупил ещё вчера.

Приезжаю к роддому без пятнадцати четыре. Захожу в холл больницы. Опять эта медсестра на посту. Смотрит на меня пристально.

– А ты чего так поздно-то? – спрашивает меня.

– Как поздно? К четырём. Выписка же с четырёх.

– Выписали уже Орлову. Уехала она.

– Как уехала? С кем? Когда?

Внутри всё обрывается и ухает вниз.

Глава 12

Кажется, что Андрея я вижу впервые. Я совершенно не помню, как он выглядит, помню только его глаза.

Сейчас же, с сыном на руках, я скольжу взглядом по лицу моего неожиданного спасителя. Легкая небритость, которая уже перерастает в аккуратно подстриженную бороду, задумчивые морщины на лбу, нос с небольшой горбинкой, сурово сжатые губы. Вообще, вид у Андрея очень суровый. Интересно, он по жизни такой или это отпечаток профессии?

Красивый мужчина. Но сердце при виде его не ёкает, как при одном лишь взгляде на Диму.

– Здравствуй. Ну вот, хоть разглядеть тебя во вменяемом состоянии. А то тогда только и делала, что рычала на меня, – улыбается Андрей.

Я смущенно улыбаюсь в ответ.

– На тебя бы посмотрела в такой ситуации, – ворчу я, а Андрей смеется в ответ.

Он стоит с красивым букетом роз. Розовых. Я больше люблю белые. Он сразу же понимает, что у меня взять его не получится. Делает шаг навстречу и подхватывает из моих рук сумку и кивает на выход.

– Идем? Довезу тебя, куда скажешь.

Меня царапает неприятное чувство, что я совершаю ошибку, что не нужно никуда с ним ехать. Может, стоило

позвонить Диме? Но я быстро прогоняю ее. Видимо, это что-то вроде фантомной боли. Как у людей, у которых ампутировали конечность, они потом все равно ее чувствую. Так и у меня. Вырвали из груди половину сердца, но я все равно ее ощущаю. Или это страдает половинка моей души по тому, что я потеряла?

Я согласно киваю на вопрос Андрея, и мы идем к машине. Опять полицейской.

– Это та же машина? – с улыбкой спрашиваю. – Даже какую-то нежность к ней ощущаю, ведь чуть не родила в ней.

Мы с Левушкой устраиваемся на заднем сиденье. И каково же мое удивление. Когда обнаруживаю тут же люльку-переноску.

– Это нам? – в удивлении вскидываю взгляд на Андрея.

– Да. Прости, детское кресло не смог найти, а эту люльку мне одолжила на время сестра. Понимаю, что так тоже небезопасно везти ребенка, но все-таки лучше, чем на руках, – он садится за руль и смотрит на меня в зеркало заднего вида. – Ну что, куда едем?

Я называю адрес мамы.

Андрей ведет машину бережно и плавно, без резких толчков, за что я ему очень благодарна. А когда мы оказываемся на месте, помогает мне выйти и провожает до квартиры.

– Я тебе позвоню, можно? – спрашивает.

– У тебя же есть мой номер? Буду рада, – отвечаю, хотя и немного кривлю душой. Буду ли я рада его слышать? Не

знаю. Нет. Или да? Я точно знаю, что сейчас мне не нужны никакие отношения, мне бы с прошлыми разобраться. А еще нужно разобраться со своими чувствами. Их пока я заперла подальше, где-то в самом далеком чулане подсознания, повесила огромный амбарный замок и на время забыла. Сейчас главное – сын. Да и не могу я допустить в свою жизнь другого мужчину, пока люблю Диму.

Мы стоим напротив друг друга и нашу неловкую паузу прерывает звук открывшейся двери.

– Ну и что ты здесь стоишь? – слышу недовольный голос мамы. Она окидывает подозрительным взглядом Андрея.

– Спасибо, что помогли и проводили до квартиры, – кивает она ему и... протягивает деньги. Я в ужасе широко распахиваю глаза и, прежде чем что-то успеть сказать, она продолжает. – Вот, возьмите чаевые. У вас, наверное, уже другой вызов?

Она что, приняла Андрея за таксиста?

– Мам, ты неправильно поняла, Андрей – мой хороший знакомый, не таксист.

Андрея же забавляет этот момент, и он улыбается.

– Все в порядке, ничего страшного.

Мама же ничуть не смущается, прощается с Андреем и заходит в квартиру.

– Ангелина, тебя еще долго ждать?

Да уж, чувствую, с мамой придется нелегко. Отвыкла уже от ее манеры общаться.

Я же только закатываю глаза, пожимаю плечами и виновато смотрю на Андрея.

– Иди, – улыбается он уголками губ и первым уходит.

Мама живет одна в двушке. Но часто у нее с ночевкой остается внук, сын моего старшего брата, поэтому вторую комнату обустроили полностью под него. Вот именно в ней она нас и поселяет.

– Ангелина, только аккуратнее, Валечка не любит, когда трогают его вещи и игрушки, – говорит она.

Я старательно прячу возникшее раздражение. Да, будет не просто нелегко, а тяжело.

Пока мы устраиваемся с сыном, наступает вечер. Я стараюсь максимально ничего не трогать в комнате, но мама периодически приходит и контролирует. Раздражение нарастает все больше.

Хорошо, что у мамы сохранилась детская кроватка, куда я и перекладываю спящего Левушку. А сама иду на кухню к маме, чтобы хоть что-то перекусить.

– Ну, ты наконец расскажешь, что у вас произошло с Дмитрием? И как надолго ты здесь? Скоро мне дадут Валечку, нужно будет как-то уместиться или искать другой вариант с вашим местом жительства. А почему бы тебе не поехать домой? Что бы у вас не случилось, это и твоя квартира, – мама говорит сухо и каждое слово больно отзывается в сердце. Вот почему она так со мной?

Меня затапливает обида. И на меня наваливается все сра-

зу: и пережитый стресс от внезапных родов, и запоздалый страх, что все могло разрешиться очень плохо, и боль от измены Димы, и мамино отчуждение.

– Мам, за что ты так меня ненавидишь? Почему у тебя на первом месте всегда только Валечка? Я принесла Леву, тоже твоего внука, между прочим, но ты едва на него взглянула! – я стараюсь говорить спокойно, пока еще сдерживая вырывающийся наружу крик. Но это с каждой минутой становится всё сложнее. Мне больно, обидно и да, меня снедает ревность, что моим сыном пренебрегают, в то время как «скоро дадут Валечку».

– Валечка, всегда только твой Валечка! – уже кричу на мать, выплескивая вместе с этим криком все, что накопилось во мне за эти дни.

Мама встает, с прямой спиной, напряженная как струна, и глядя на меня сверху вниз, произносит холодно и отстраненно.

– Знаешь, Ангелина, сегодня вы со Львом можете переночевать здесь, но завтра ищи другую квартиру, где ты будешь жить.

Глава 13

Уехала...

Да, блядь! Бесит. Ведь как чувствовал, что надо ехать раньше.

Мозг лихорадочно ищет выход.

Куда она могла поехать? Куда бы поехала женщина с новорожденным ребенком?

Только к матери. Я уверен.

У них, конечно, отношения не самые лучшие, но сейчас мать милее меня. И кто как не мать должна поддержать свою дочь.

Иду к машине, завожу двигатель. Но не успеваю тронуться, как раздаётся звонок. Воропанов. Ну и какого хера он звонит, я же сказал, чтобы он сам со всем разобрался.

– Дмитрий Николаевич, здравствуйте! Вы сегодня приедете?

– Зачем?

– Так расследование провести надо. Я комиссию собрал, все члены в сборе, кроме вас. Весь день ждем.

– Так не ждите. Завтра приеду.

– Инспектор по труду грозит, что больше не приедет, а у нас сроки поджимают. Надо всё успеть за пятнадцать дней, а сегодня уже пятый день.

– Да знаю я.

Смотрю на часы. Уже начало пятого. На всё-про всё у меня полтора часа точно уйдёт. Но дело действительно важное и безотлагательное. Если бы это касалось только меня, я бы наплевал, но это касается и фирмы и многих людей. И жизни того бедолаги, на которого стена упала. Человек и так весь переломанный лежит. Кто знает, может, ещё и инвалидом останется.

– Ладно. Жди. Сейчас приеду.

Трогаюсь с места и гоню до объекта. Мысли мечутся, пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить Ангелине, почему не смог приехать на выписку.

Это пиздец! Роды пропустил, на выписку опоздал. Это какая-то насмешка судьбы. Вроде кошка чёрная дорогу не переходила.

Судя по тому, какие у меня проблемы, передо мной целая толпа черных кошек пробежала.

Естественно, всё получается не так, как я хотел. Полтора часа затягиваются на четыре. И вместо того, чтобы приехать хотя бы к шести, я подъезжаю к дому тёщи в начале десятого. Главное, чтобы Ангелина была здесь. Я звонил уже раза три, но ни жена, ни Зоя Андреевна не брали трубку.

Звоню в дверной звонок. Дверь открывает тёща.

– Зоя Андреевна, здравствуйте! Ангелина у вас?

– Да. Только непонятно почему? Может ты мне объяснишь, в чём дело? Ты же отец должен был встретить жену и ребёнка.

– Я просто не успел.

– Неудивительно. В девять часов уже никто не выписывается, – язвит тёща.

– Я понимаю. Но у меня ЧП на работе, пришлось разбираться. Ангелину позовёте?

Фыркает, приоткрывает дверь шире, пропуская меня.

– Вон в комнате сидит. Хочешь поговорить – иди сам.

Дважды мне повторять не надо. Вхожу, скидываю ботинки, иду в комнату. Ангелина сидит на диванчике и смотрит в одну точку. В кроватке напротив дивана лежит темноволосый малыш.

Я замираю. Даже не верится, что эта кроха – мой сын. Такой маленький, но уже человечек. Страшно брать его на руки.

Он лежит в распашонке и ползунках, ручки прижаты к груди. Вспоминаю, как Ангелина переживала, как будет пеленать малыша, если не умеет. Кто ей покажет в роддоме. Смотрела видео в ютубе, даже куклу для этого купили, чтобы тренироваться.

– Дима? – слышу, как Лина тихо окликает меня.

Смотрю на неё. Глаза грустные, кажется плакала, в уголки губ опущены вниз. Делаю шаг, так хочется её обнять, прижать к себе. Но она протягивает руку, останавливая меня.

– Что ты здесь делаешь? Я же сказала, не хочу тебя больше видеть. Между нами всё закончено. Всё, Орлов. На этом всё. Я не прощу. Уходи.

– Поня...

– Перестань называть меня так! – шипит на меня. – Поней я для тебя была, пока любила. Теперь я Ангелина. И не смей называть меня по-другому. Ты это право потерял.

– Хорошо. Не злись. Давай просто поговорим. Зачем ты поехала к маме? У тебя ведь есть квартира. Там всё подготовлено для сына. Я прошу тебя, вернись.

– Нет. Мне от тебя ничего не нужно. А завтра я подам на развод. Ты можешь не соглашаться, можешь говорить, что хочешь, но мне всё равно.

– Ангелина, ну к чему эти жертвы? Ты ведь делаешь хуже себе и нашему малышу. Понимаю, что ты обижена, но прошу, не отказывайся от моей помощи. Хочешь развестись? Хорошо. Я не буду тебе мешать. Хочешь жить с мамой? Хорошо, живи. Только прошу, не запрещай мне приходить и видеть сына. Он ведь и мой ребенок.

Смотрит на меня исподлобья, руки скрещены на груди, ощущение, что все мои слова она воспринимает в штыки. Но и я не намерен отступать. Да, я изменил, и сам уже за последние дни пожалел об этом не один раз, но даже преступникам дают амнистию. И я тоже имею право видеть сына.

– Хорошо, – неожиданно соглашается Ангелина. Выдыхаю. – Я не запрещаю, только надо распределить дни, когда ты будешь приходить.

Киваю, сейчас я рад даже этому маленькому шагу навстречу.

Глава 14

Я практически бегом убегаю от мамы, кидаюсь к кроватке и смотрю на сына.

– Я клянусь, я никогда, никогда не поступлю так с тобой, – выдыхаю с болью. – Как, мама, как можно любить одного ребенка и его внуков и ненавидеть другого? Ты же выносила нас одинаково, мы же одинаково плоть от плоти твоей, но почему же так?

Сколько я себя помню, для мамы всегда существовал только её первенец, как она называла брата, Венечку. Она до сих пор, с мужика за сорок лет, пылинки сдувает, чем до жути бесит жену Вениамина, Оксану.

Я же всегда была папиной дочкой. Такое ощущение, что он мне отдавал в двойном размере и любви, и внимания, компенсируя их недостаток со стороны мамы. А она... Она всегда ревновала его ко мне. Как это возможно – ревновать мужа к своей родной дочери?! Тогда я этого не понимала, и сейчас, повзрослев, не понимаю вдвойне.

А когда у Венечки родился сын Валечка, мама вообще как с ума сошла. Валентин был маленькой копией нашего отца. Вот так странно проявились гены, что от Вени в нем почти ничего не было. Мама, конечно же, от этого факта впала в восторженное восхищение, которое не утихает до сих пор.

А мы с моим сыном – опять изгой.

Я, молча глотая слезы, собираю уже разложенные вещи в сумку. То же делать, где сейчас я найду квартиру? Домой возвращаться я точно не собираюсь. И тут меня осеняет. Господи, почему мне эта мысль сразу в голову не пришла?! У Венькиной жены, Оксаны, квартира же есть! Хватаюсь за телефон и набираю Веню.

– Линка? Ты чего так поздно? – отвечает заспанным голосом брат.

– Поздно? – кошусь взглядом на часы. – Вень, ты чего, еще детское время, одиннадцати даже нет.

– Тебе, может, и детское, ты же не работаешь. А я вкалываю как не в себя, устаю сильно, – ворчит брат. – Чего тебе?

– Вень, а я вообще-то сына родила, – сообщаю ему. – Так что ты теперь дядюшка.

– Да ладно? – Венька сразу просыпается. – Что ж ты молчала! Погоди, тебе ж вроде рано еще?

– Ну, так получилось. Мы, конечно, думали, что попозже, но сын оказался торопыгой. Назвала Львом, Лёвушка.

– Ну ты даешь, сеструха, получилось у нее. Поздравляю! Димка счастлив наверняка, он так ждал!

– Дима? Дима, наверное, счастлив, да, – хриплю в ответ, потому что голос внезапно садится.

– Не понял? – настороженно спрашивает Веня. – В смысле – наверное? Он не рад что ли?

– Вень, я тебе что звоню, – перевожу разговор. – У вас квартира Оксанина свободна? Не сдаете сейчас?

– Тааак, – протягивает брат. – Линка, ты что учудила опять?

– Почему это я учудила? – обиженно спрашиваю его. – Вот чуть что, так сразу Лина виновата.

И мы, несмотря на ситуацию, смеемся. На самом деле, мы с братом дружим. У нас разница в пятнадцать лет, и он ко мне относится как к несмышленной младшей сестре-«занозе в одном месте». И он, как ни странно, всегда меня защищал перед мамой, у которой во всех проблемах была виновата я одна.

– Лин, а если серьезно, что случилось? И где вы с мелким сейчас?

– Всё сложно, Вень, – я уклончиво отвечаю. – Мы с Лёвушкой у мамы сейчас.

– И вы, конечно же, поругались, – даже не спрашивает, а утверждает Веня.

– Да как сказать... Она нас выгнала. Правда, милостиво разрешила переночевать.

– Что?! – пораженно выдыхает Веня. – Она совсем что ли сбрендила? Так, ладно, я с ней потом поговорю. Квартира свободна. Тебе когда нужно?

– Завтра утром уже хочу уехать отсюда.

– Понял. Сама справишься, доедешь, или приехать за вами?

Я задумываюсь. А ведь я и правда не подумала, как с младенцем буду добираться до новой квартиры.

– Приехать, – потеряно соглашаюсь.

– Ох ты ж, кнопка. Ну ждите меня завтра утром. Я заодно и детское кресло захвачу. И Лин..., – он смущенно замолкает на мгновение. – Чтобы у вас с Дмитрием не случилось, он – отец. И он очень ждал вашего малыша, не меньше тебя. Я знаю, он со мной делился, когда... впрочем, не важно, когда. Так что ты учти это. Поняла?

– Поняла, – спорить с ним бесполезно, и я покорно соглашаюсь.

– И Лин...

– Ну что, еще будут наставления старшего братца? – ворчу я.

– Нет, – смеется он. – Просто держи хвост пистолетом, – говорит он нашу детскую мантру.

– Хорошо, – смеюсь я. – Спасибо, Вень. Хорошо, что у меня есть старший брат.

Когда он отключается, просыпается Лева и требовательно кричит. Кормлю нетерпеливого сына, и он опять засыпает. Перекладываю его обратно в кроватку, а сама сажусь на диванчик и думаю.

Слова брата о том, что Дима – отец ребенка и тоже его ждал, отдают болью в груди. Ведь мы тогда оба ждали, уже любили того, кто жил в животе, разговаривали с ним. Тогда наши дни были до краев заполнены любовью и заботой. Что же случилось? Чего тебе не хватало, Дима?

И тут я понимаю, что не вернусь. Не могу простить. По

крайней мере, сейчас. Возможно, настанет день, когда мне не будет так больно от его предательства. Когда-нибудь. К тому же, мы все равно будем видеться. Я не смогу отказать ему быть с ребенком, не имею морального права. Он действительно ждал и любил сына уже тогда.

Я слишком люблю его, чтобы мириться с изменами.

Эта мысль приходит неожиданно, ударяет наотмашь своей простотой, и я замираю, глядя в одну точку. А ведь правда. Я очень сильно люблю Диму, до сих пор, несмотря ни на что. Именно поэтому мне так больно от его предательства, иначе бы не среагировала так остро.

Я так глубоко ухожу в свои мысли, что не замечаю, как в комнате уже не одна. Поднимаю глаза и вижу Диму, который стоит у кровати и смотрит на нашего спящего сына.

Глава 15

Ночь проходит на удивление хорошо. То ли сказывается напряжение последних дней, то ли то, что увиделся с Линой и сыном. Но сплю я, как говорят, без задних ног. А утром, проснувшись, долго смотрю в потолок, размышляю о том, как буду возвращать Ангелину.

Я хоть вчера и сказал, что готов на развод, но сказал это, чтобы Лину успокоить. Я бы её хоть вчера увёз, но напором её не взять. Она же упрямая. Здесь умнее надо быть. Мягко, нежно и с любовью – её любимые слова.

Меня всегда поражал её характер, как в таком добром человеке уживаются стальной стержень и мягкость. Если Ангелина что-то решила, то пытаться переубедить бесполезно. Наверно, поэтому мне так она понравилась. Живая, настоящая и недоступная. Никакого намёка на флирт.

От воспоминаний становится опять хреново, будто кто-то поместил мне в грудь маячок, который заставляет сердце разгоняться и разрываться при одной только мысли об Ангелине.

Подрываюсь с кровати, чтобы прогнать мысли подальше. О ней думать приятно, но с каждым днём появляется всё больший страх, что она так и не простит.

Беру полотенце и иду в душ. Прохладная вода умеет отлично справляться с плохим настроением и даже дышать

становится легче. После десяти минут душа выхожу из него в более менее нормальном состоянии. Сегодня предстоит много дел. Расследование, опрос свидетелей. Хочу сам всё контролировать. Ещё и к пострадавшему в больницу заехать хотел, чтобы оценить его состояние. Потом надо будет заехать домой, чтобы погрузить вещи, несколько пачек памперсов. Кроватьку надо тоже отвезти.

Вытираю волосы, когда в дверь раздаётся звонок.

Иду в коридор размышляя, кто мог заявиться в такую рань. На часах девять.

Открываю дверь, на пороге стоит темноволосая девушка, и я даже не сразу понимаю, что это Вера. Та самая Вера, из-за которой всё и началось. В руках она держит картонный поднос с тремя стаканами кофе.

– Привет! – стреляет глазами. Искусный взмах ресницами, только в этот раз во мне ничего не дёргается. Отдёргалось уже. А при виде её появляется гадливое чувство омерзения и к ней и к самому себе.

– Ну привет. Чего хотела? – стараюсь говорить как можно грубее, чтобы поскорее отделаться от неё. Мне ещё её романтической пурги не хватало.

– С порога и так грубо? – дует губы. Блядь и где они такому учатся или перед зеркалом репетируют часами?

– Ну да. А что ты думала, я тебе сонаты сочинять буду?

– Нет. Знаю, что ты резкий.

–Хм, знаешь? Биографию мою изучала.

– Нет. За тобой весь вечер наблюдала. Понравился ты мне, Дима. Поэтому и приятное сделать захотелось. Жена-то твоя сто процентов не давала. Как ты стонал, до сих пор в ушах стоит.

– Заткнись, – при упоминании Лины, хочется придушить стерву.

– А что так? Правду не любишь? Я вот, наоборот, впечатлена твоим достоинством, да и сам ты очень складный. Вот видишь, даже кофе с утра принесла. Не знаю, какое ты любишь, три разных взяла.

Делает шаг вперёд, пытается прорваться в квартиру. Видимо, думает, что от её напора я в сторону отойду. Вот только я не намерен её в дом пускать.

– Что, даже непустишь? – а в глазах даже слёзы появляются от обиды. – Ты мне, кстати, должен за ласку. Чем расплачиваться будешь?

– А чем с тобой твои клиенты расплачиваются? Деньгами или шмотками?

– Я не проститутка. А долг беру тем же. Я ради этого и приехала. Хочу почувствовать твою страсть ещё раз. Мне показалось ты мужчина очень даже горячий. Не то что Боря как заяц. Тридцать секунд и на боковую. Может, возьмёшь сегодня выходной? Обещаю, никто не узнает.

Она тянет руку к моему полотенцу, которое обмотано вокруг бёдер. Её холодное прикосновение заставляет меня передёрнуться. Перехватываю её руку, не позволяя её пальцам

проникнуть под полотенце, куда она и метит.

– Я подержанным товаром не пользуюсь. Так же, как машину предпочитаю с салона брать, так и спать предпочитаю со своей женой.

– Ну-ну. Раз в год? – Продолжает настырно лезть. – Дима, будь хорошим мальчиком. Я из-за тебя спать уже неделю не могу. Ну же, не вредничай. А за это я тебе разрешу всё, что захочешь.

– На хуй пошла, – пытаюсь захлопнуть дверь, но она подставляет ногу.

– Ты что русского языка не понимаешь?

– Дима, я же всё понимаю. Жена жёстко за яйца держит. Ещё, наверное, пугает разводом, а ты терять её не хочешь. Даже верю, что любишь её. Но я же к тебе не в жены набираюсь. Мне пары встреч в неделю будет достаточно. Честно, никто не узнает.

– Я женщин не бью, но для тебя могу сделать исключение. Ногу убери.

Едва сдерживаюсь, чтобы не уебать ей промеж её коровьих глаз. Пиздец!

– Можешь даже отшлёпать. Я люблю жёстко.

Открываю дверь широко, она неправильно воспринимает этот жест, начинает улыбаться. А мне просто места не хватает для манёвра. Выхожу на площадку, беру её за шкурку, она повисает в руках словно кукла. Даже страх промелькивает во взгляде. Выталкиваю её с площадки на лестницу, с

трудом сдерживаюсь, чтобы ещё пинка не дать напоследок. Разворачиваюсь и возвращаюсь в квартиру.

Это же надо быть такой долбанутой. В голове не укладывается. Надо позвонить Боре, спросить, где он эту нимфоманку откопал, потому что на эскортницу она не похожа.

Хочется ещё раз сходить в душ. А ещё приходит мысль сдать анализы. Даже не верится, что я связался с такой мразью.

Глава 16

После ухода Димы меня немного отпускает. По крайней мере, появляется определенность в дальнейших действиях. И решение давать ему видеться с сыном не вызывает отторжения и кажется правильным. Брат прав, Дима – отец, и у него есть такое же право участвовать в жизни и воспитании сына.

Из комнаты я больше не выхожу, видеть маму и разговаривать с ней нет никакого желания. Собираю оставшиеся вещи и замираю. Не могу найти еще один пакет с детскими мелочами. Замираю и пытаюсь вспомнить, забирала ли я его из роддома. Вроде да. Кажется, я оставила его в машине Андрея.

«Мне кажется, я забыла в твоей машине пакет с детскими вещами. Случайно, не находил?», пишу сообщение Андрею.

«Находил. Привезу завтра», через некоторое время отзывается Андрей.

Я: «Только я завтра утром уезжаю отсюда, буду по новому адресу. Я его точно не помню, завтра тогда пришло, хорошо?»

А: «Хорошо, буду ждать»

Я: «Я уже даже не знаю, как тебя благодарить за все, что ты для меня делаешь. Могу испечь шарлотку и угостить

чаем. Приготовить что-то существенное скорее всего Левушка не даст»

А: «Я всему буду рад :) И вообще, это не обязательно, мне просто приятно тебе помогать»

Ночь прошла спокойно. Я моментально просыпалась, слыша крик Левушки, брала его кормила почти во сне. А потом мы так вместе с ним и заснули на одной кровати, сил перекладывать его уже не было.

Утром мама встречает меня поджатыми губами.

– Мама, ты не волнуйся, я сейчас позавтракаю, и мы с Левой уедем. Ты же покормишь свою дочь завтраком? Или даже чаю не нальешь?

– Ангелина, прекрати ерничать. Все-таки я не зверь какой и не враг тебе, ты же моя дочь, – с холодным упреком говорит она.

– Что-то незаметно, что ты об этом помнишь, – бормочу я себе под нос.

Кружка с чаем со стуком опускается прямо напротив меня.

– Сейчас сделаю омлет, – ледяным тоном говорит она. – Почему ты прогнала вчера Диму? Вы – одна семья, что бы он ни сделал.

– Мам, вот что-что, а с этой ситуацией я разберусь сама и твоего совета мне точно не нужно. Особенно теперь, когда ты нас фактически выставила из этой квартиры, – наверное, это звучит очень резко, но мне надоело сдерживаться и ду-

мать о ее чувствах. Почему никто не думает о моих?

– Ты же знаешь, скоро приедет Валечка... – начинает было мама.

– Да, Валечка, всегда он. Но хочу тебе напомнить, что часть этой квартиры – моя. И после смерти папы я просто не стала претендовать на эту часть, посчитав, что она мне не нужна. И думала, что уж кто-кто, но родная мать всегда меня примет и не откажет в крыше над головой. Ошиблась, – горько говорю я, хотя и понимаю, что бесполезно. Трачу только свои нервы. Мама же все равно ничем непрошибаемая .

Я быстро съедаю омлет, который она приготовила, откидывая принципы в сторону. Я- кормящая мама, мне нужно хорошо кушать, это важнее.

– Спасибо, мама, за завтрак. Пойду собирать Леву.

Как раз, когда я уже заканчиваю переодевать Леву в комбинезончик, приходит Веня. Я слышу его шумное приветствие и упреки в сторону мамы. Она что-то глухо ему отвечает.

– Так, ладно, отвезу Линку, и мы еще вернемся к этому разговору, – грохочет он и резко распахивает дверь.

– Ну, ты готова?

– Вень, ну что ты орешь, – морщусь я. – Сейчас, Леву я одела, поддержишь его, я сама еще переоденусь ?

– Знакомьтесь, – я со смехом вручаю Леву в руки дядюшки.

Лева не спит и, наморщив лобик, сосредоточенно рас-

смаатривает лицо ошалевшего Вени.

– Линка, я отвык от мелких, забери его от греха, – почему-то шепотом говорит брат.

– Не смеши меня, прошло то всего ничего, как Валька вырос из такого возраста, – смеюсь я. – Всё, наслаждайся. И отвернись, я переодеваюсь.

Венька что-то бурчит себе под нос и послушно отворачивается. А еще через минуту я слышу, как он с выражением читает по памяти «Муху-Цокотуху». Фыркаю. Нянем его что ли взять?

Мама провожать нас так и не выходит, видимо, обиделась тому, что наговорил ей Веня.

– Не парься, – отмахивается брат. – Потом еще прощения прибежит просить.

Он действительно позаботился об автомобильном кресле. Меня это так умиляет, что я в порыве умиления и благодарности обнимаю его.

– Венька, ты лучший, знаешь об этом? Спасибо тебе!

– Ну ладно, ладно, – смущенно бормочет он и чмокает меня в макушку. – Давай запрыгивай в машину, мне еще на работу сегодня нужно успеть попасть.

– А Оксана не против, чтобы мы слевой там жили? – на всякий случай уточняю нет.

– Нет, конечно, – косится на меня Веня, отрывая взгляд от дороги. – Она только рада. Достало ее мусор мешками после арендаторов выгребать. А так свой человек будет жить,

и квартира под присмотром.

– Спасибо, – благодарно выдыхаю.

Как же мне повезло и с братом, и с его женой! Видимо, это такая компенсация за мамину нелюбовь.

Квартира Оксаны находится в самом центре, почти напротив Летнего сада, на улице Пестеля. В доме без лифта, вдруг осознаю я. Но Веня как слышит мои мысли.

– Не переживай, лифт не понадобится, во-первых, квартира на первом этаже, а во-вторых, у них в подъезде организовали колясочную.

Выдыхаю. А потом с ужасом смотрю на Веню.

– Что, про коляску забыли и не купили? – со вздохом спрашивает Веня.

– Мы с Димой собирались после родов это сделать, – потеряно отвечаю.

– Так, ладно, без паники, всё решим, – спокойствие Вени меня заражает, и я тоже успокаиваюсь.

Узнаю номер дома, квартиры и как о обещала, отправляю Андрею.

«Через пару часов могу подскочить. Удобно?» – присылает он сообщение.

«Да, удобно», отстукиваю ответ.

– С кем это ты? – с любопытством спрашивает Веня.

– Знакомому следователю, без которого Лёва мог бы и не родиться, – отвечаю ему. – Он почти что наш ангел-хранитель.

– Ты смотри аккуратнее с этим ангелом. Что-то я сильно сомневаюсь в его светлых мыслях и высоких чувствах, – со скепсисом отвечает Веня.

– Ой, Вень, ну перестань. Он – замечательный, считай, что фей-крестный, – отмахиваюсь я от брата.

– Линка, а Дима про него знает, про фея этого? – прищуривается на меня брат.

– Знает, – нехотя киваю.

– И что, даже крылья не хочет ему повыдергивать, у фея твоего? – хмыкает Веня.

– Так, еще слово и получишь в лоб, – грозно хмурюсь на него. – Он действительно нам очень помог. И я ему благодарна. А что там хочет Дима, мне неинтересно, можешь сам у него спросить.

– А вот возьму и спрошу, – кивает брат и ведет нас в квартиру.

Чистый и аккуратный подъезд, действительно с обустроенной колясочной. Квартира же небольшая, но очень уютная, с высокими потолками старого фонда, с современным ремонтом и лаконичной обстановкой. И что самое главное – здесь светло. За счет того, что и стены, и мебель выполнены в светлых тонах, кажется, что пространства и воздуха здесь много.

– Ну вот, живите, – торжественно вручает мне ключи Веня.

Мы слевой устраиваемся. Потом я его, сытого, уклады-

ваю в кровать, которую, оказывается, сюда уже успел закинуть Веня. И я иду на кухню, осматриваюсь, и заказываю продукты из доставки.

А потом пеку обещанную шарлотку. И пока взбиваю тесто, мне в голову приходит мысль, а не поможет ли мне Андрей еще и с разводом. Он же следователь? Наверняка, у него есть связи, чтобы поспособствовали быстрому разводу.

И эта мысль так утверждается в голове, что когда раздастся звонок в дверь, я открываю и вижу Андрея, то вместо приветствия я выпаливаю:

– Андрей, помоги мне с разводом.

Глава 17

– Привет! – раздаётся в трубке знакомый голос брата Ангелины.

– Здорово! Какими судьбами?

Я рад его слышать, но после всех проверок на работе нет сил даже улыбнуться.

– Да вот узнал, что сестрёнка к маме переехала. Не хочешь рассказать, что у вас случилось? А то Ангелина темнит.

Тяжело вздыхаю. Сейчас нет никакого желания вдаваться в подробности собственного косяка, но мы с Веней всегда хорошо общались.

– Моя ошибка Вень, – потираю переносицу, чтобы хоть немного снять напряжение с глаз.

– Я и не сомневался. Колись.

– Я Ангелине изменил.

Молчание в трубке.

– Серьёзно? – наконец выдаёт Веня.

– Серьёзней некуда.

– Ну что я могу сказать тебе... Поздравляю, ты дурак!

– Да, блядь, знаю.

– И я даже помогать тебе не буду, – усмехается Веня.

– Я и не рассчитываю.

– И что даже упрашивать не будешь? Не готов унижаться ради того, чтобы сестру мою вернуть?

– Не в этом дело.

– А в чём? В дырке золотой? Она что лучше моей сестры? – голос становится напряжённым. Я так чувствую, если бы мы говорили вживую, я бы уже давно схлопотал по морде.

– Ты неправильно понял. Нет там дырки золотой. Ангелина у меня самая лучшая и любимая. Просто я сгупил. Не сдержался. В общем, в рот дал одной эскортнице. Я не собирался этого делать. Так получилось.

– Ясно. Значит, измена наполовину. Хреново... А Ангелина-то как узнала?

– Увидела.

– Пиздец! – Веня ещё несколько секунд обзывает меня заковыристыми матами. Но я не обижаюсь, знаю, что он прав. Я себя за последнюю неделю словами и похуже называл. – И что ты собираешься делать теперь? – наконец он перестаёт.

– Возвращать. Я люблю её, и сына люблю. Пытаться вернуть. Потому что Ангелина настроена решительно. А если она что-то надумала, переубедить её очень сложно.

– О да. Мне ли не знать, – соглашается Вениамин.

– Ну вот.

– Ты, кстати, знаешь, что она от матери съехала?

– Нет. Она мне ничего не говорила.

– И, скорее всего, не сказала бы. Так что тебе мой совет, дуй к ней и помоги обустроиться. Потому что там для ребёнка квартира вообще не подготовлена.

– Да я хотел, чтобы она домой обратно вернулась. Но

она же даже не слушает меня. Короче, понял тебя. Спасибо, Вень. Сейчас поеду к ней.

– Да не за что. Но запомни, это первый и последний раз, что я помогаю тебе. Если ты ей ещё раз изменишь, то считай, потеряешь и жену, и друга.

– Я понял тебя.

Мы прощаемся. И хоть неприятно, что меня только что отчитали как мальчишку, всё равно я ему благодарен. За что я его и ценю, так это за умение высказывать правду в глаза.

Встаю со стула. Потягиваюсь. Давно в спорт зал не ходил. Всё некогда, если с Ангелиной сегодня получится договориться, чтобы она переехала обратно домой, я немного ослаблюсь. Осознание того, что она будет дома, даже если без меня даст хоть немного спокойствия. А я вполне могу сегодня переночевать в квартире Вени. А завтра найду квартиру поближе к нашей.

Смотрю на часы. Пора.

До квартиры ехать недалеко. Поддаюсь порыву, когда проезжаю мимо гипермаркета, насколько помню, здесь хороший цветочный бутик находится. Паркуюсь.

Хочется подарить её любимые белые розы. Как-то же надо начать примирение. Можно начать как раз с цветов. Главное – не получить ими же по лицу. Ну, надеюсь, до этого дело не дойдёт.

Беру самые лучшие, с крупными бутонами. А когда иду обратно к выходу, взгляд цепляется за красивого львёнка,

мягкую игрушку. Как раз для Лёвы. Хотя ему ещё рановато такие игрушки, но уж больно львёнок забавный. Беру.

Ещё десять минут еду до нужного адреса. В пятидесятый раз прогоняю в голове слова, которые заготовил, чтобы убедить Ангелину. Гашу двигатель. Выхожу из машины. Открываю дверь в подъезд.

Квартира вроде на первом этаже. До слуха доносятся неясные звуки.

Поднимаюсь по ступеням. Звук становится чётче. Кто-то кричит. В груди неприятно ворочается предчувствие.

Третья квартира. Крик идёт оттуда. Внутренности стягивает узлом, потому что я узнаю голос Ангелины. В голове нет мыслей. Действую интуитивно. Толкаю дверь плечом и со всего маха влетаю в квартиру, она оказывается не закрыта.

– Ангелина?

Глава 18

– Тебе эту машину что, отдали в вечное пользование? Воспринимаю ее уже как родную, – шучу я, почти с нежностью осматриваю все ту же БМВ, на которой Андрей мчал меня в роддом.

– Почти, – бросает на меня веселый взгляд Андрей. – Пока у меня и я пользуюсь, ну а там дальше видно будет.

Андрей везёт меня из суда, где я подавала заявление о разводе. Лева спит сзади, в кресле. Все прошло быстро и совсем не так, как я ожидала. Я готовилась к очередям и муторной волоките.

Когда приехал Андрей и я его встретила вопросом про развод, он посмотрел на часы и сказал:

– Тогда нужно ехать прямо сейчас, а то можем не успеть. Готова?

– Готова, – решительно кивнула я.

В самом суде Андрей сначала посадил меня рядом с женщиной замученного вида, и сам отошел ненадолго, сказав, что сейчас вернется. Левушка завозился, закрихтел, но я, отвернувшись и прикрывшись, быстро дала ему грудь, и он успокоился, а потом и вовсе заснул.

Вернувшийся Андрей сделал мне знак, я встала, и он тихо сказал, что договорился с секретарем и меня без очереди примут. Он кивнул на Левушку:

– Давай возьму, а ты пока сходи. Мы здесь будем, недалеко, – и он уверенно взял сына из моих рук. Что удивительно, тот даже не проснулся. И у секретаря я быстро заполнила все, что нужно.

И вот сейчас, когда мы едем обратно, со сделанным первым шагом на пути к разводу, я не чувствую ничего, кроме опустошения и опять вернувшейся боли. Все неправильно. Так не должно было произойти в моей жизни. На месте Андрея должен находиться Дима. Вчера, когда смотрела в его растерянные глаза, у самой сердце рвало от боли. Но я вспоминаю и все остальное, свидетельницей чего я невольно стала.

Воспоминание быстро отрезвляет меня. Да больно, но вернуться к нему, чтобы всю оставшуюся жизнь думать правильно ли я поступила... Нет. Не хочу.

Смотрю на Андрея. Он, чувствуя мой взгляд, отрывается от дороги, и быстро смотрит на меня с улыбкой.

Смотрю на него и меня затапливает благодарность к нему. Хороший он, Андрей. Вот же повезет какой-то девушке, что рядом с ней будет такой защитник. Мне даже становится чуть-чуть жаль, что это буду не я.

Мы подъезжаем к дому.

– Зайдешь на чай? А то ведь ты так и не попробовал мою шарлотку, как-то мы быстро сорвались, – спрашиваю у Андрея и вижу, как его глаза довольно блеснули.

– С удовольствием, – соглашается он. – Я сегодня еще ни-

чего не ел, не успел.

– Тем более! – восклицаю я и мне становится стыдно, что он потратил на меня время, к тому же голодный.

Мы идем домой, и я решаю не только угостить чаем Андрея, но и покормить его. Когда входим в квартиру, Андрей забирает у меня бодрствующего сына.

– Ты иди, а я пока его могу покачать и усыпить, натренировался немного с племяншкой.

– Много водиться приходилось?

– Немного, но сидеть вместо няни приходилось, так что не переживай, я стреляный воробей, – улыбается он.

– Вот повезет какой-то девушке с таким завидным женихом, – улыбаюсь ему в ответ. – И защитник, и с младенцами уже умеешь обращаться.

– Да где эти девушки, – пожимает он плечами, укачивая Леву. – Сейчас какую ни встретить, одно только в приоритете – надутые губы, ресницы, пляски и развлечения. А хочется встретить родственную душу, добрую, домашнюю. Вот как ты. Такой как ты больше нет. по крайней мере, я таких не встречал, – он смотрит на меня пристально, выжидательно.

А теряюсь и не знаю, что ему сказать.

– Да ну, Андрей, таких как я, много, нет во мне чего-то исключительного, – с деланным смехом отвечаю ему и сбегаю на кухню от возникшей между нами неловкой ситуации.

Я с благодарностью смотрю на него и иду на кухню.

– Скоро будем ужинать, – кричу я ему, заканчивая пани-

ровать куриное филе.

– Тшшш, – раздается вдруг сзади, очень близко, – разбудишь сына.

И я чувствую, как руки Андрея скользят по талии, прижимая меня к себе. Он наклоняется и целует меня в шею. Я же настолько не ожидаю от него этого, что сначала замираю, а он, видимо, воспринимает мое оцепенение как согласие и его губы продолжают прокладывать цепочку поцелуев вверх. Захватывает мочку уха, прикусывает ее.

– Линааа, – выдыхает он, обдавая шею теплым дыханием. – Ты сводишь меня с ума. Знала бы ты, с каким трудом я сдерживаюсь все это время.

И тут оцепенение наконец проходит. Пытаюсь вырваться из его рук, но он держит крепко.

– Нет, Андрей, нет, я же верила тебе, зачем ты? – разочарованно выдыхаю. – Мы же просто друзья, – пытаюсь его хоть как-то вразумить.

– Ну уж нет, Лина, ты мне кто угодно, но точно не друг, – усмехается он.

Я делаю очередную попытку вырваться. Ударяю локтем его в живот и вырываюсь из кольца рук в сторону. Бегу в комнату.

Андрей идет за мной.

Я поворачиваюсь к нему лицом и понимаю, что мне точно от него убежать. Он настроен серьезно, и закончить то, что начал. Мотаю головой и в ужасе смотрю на него. Он сразу

даже как-то меняется. Ушла из глаз нежность и забота и сейчас там остались только желание и холодная решимость.

– Андрей, пожалуйста, не надо. Мне же нельзя еще, – привожу последний аргумент.

– Ну ты же большая девочка, знаешь, что можно удовлетворить друг друга и без проникновения. Тебе же именно его нельзя? – он подходит ко мне и ласково проводит по щеке. А потом резким движением впечатывает меня в свое тело. Я дрожу, мне страшно, и я понимаю, что сама пустила этого зверя к себе. И что мне никто не поможет.

Его рука скользит по бедру, вниз, задирая платье и пробираясь к трусикам. Он толкает меня на диван. Господи, неужели это происходит со мной?!

Он валит меня на диван и наваливается сверху, вгрызаясь жадным поцелуем в мои губы. Я мычу, вырываясь, пытаюсь крикнуть. Он пользуется этим и его язык проникает в рот, толкаясь настойчиво, порочно.

И мне становится по-настоящему страшно. Похоже, что Андрей уже мало, что соображает. Страх придает сил, и я пытаюсь спихнуть его с себя, ударяя коленом в пах. Но он сжимает мои бедра своими коленями и уже продолжает выцеловывать дорожку по шее вниз к разрезу декольте в шею так, что скорее всего останутся отметины.

– Лина, какая же ты сладкая, невозможная. Моя теперь, только моя, – хрипло выдыхает он мне в губы.

– Это ты зря, ублюдох ментовский, – слышу я родной го-

лос и какая-то сила срывает с меня Андрея, и я слышу грохот рухнувшего тела. Вдыхаю полной грудью, пытаюсь прикрыться, потому что, оказывается, Андрей успел распахнуть на мне платье практически до пупа.

– Ты, сссука, еще раз увижу тебя поблизости с моей семьей, урою. И не посмотрю, что ты мент, понял? – Дима, с побледневшим лицом и резко выдающимися скулами, на которых ходуном ходят желваки, держит за грудки Андрея. Я его никогда не видела в таком бешенстве.

– Ты, блядь, понял? – с силой встряхивает его еще раз Дима, а потом отпускает и ударом кулака практически выносит его из комнаты.

Глава 19

Не вижу перед собой ничего кроме мента, который лежит на моей Ангелине и шарит рукой у неё между ног.

Сволочь! Петух конченный!

Меня ослепляет ярость с такой силой. Удар, ещё удар, он даже не успевает закрываться. Прихожу в себя от крика Лины.

– Дима! Ты его убьешь!

И я бы убил. Лицо Андрея сплошной кровоподтек, мои кулаки и рубашка в крови. Не чувствую ни боли, ни жалости. Он стонет, шепчет разбитыми губами: “Мразь”. Я едва сдерживаюсь, чтобы не заткнуть ему рот ещё одним ударом.

– Вали пока ещё жив, – отпускаю его.

Андрея шатает, но он удерживается на ногах.

– Зря ты это сделал, – хрипит кровавыми пузырями на губах. Идёт к двери.

– Пошел на хуй. Ещё раз увижу тебя рядом с моей женой или рядом с домом не посмотрю, что ты мент.

Да вообще плевать на него. Оборачиваюсь к жене, она сидит на диване, сжавшись в комок, обнимает колени, прячет лицо в согнутых локтях.

Подхожу к ней, присаживаюсь рядом.

– Тише, тише.

Обнимаю её, поглаживаю напряжённую спину.

– Всё хорошо малыш. Всё хорошо.

Она молча качает головой из стороны в сторону, продолжая прятать лицо.

В кроватке ворочается Лёва, начинает хныкать. Удивительно, что он не проснулся от криков сразу же. Понимаю, что Лине сейчас не до этого. Меня и самого ещё трясёт внутри, будто от вибрации дребезжит сердце. Но заставляю себя встать. Иду в ванну, отмываю руки от крови, смотрюсь в зеркало. Взгляд ещё бешеный, зрачки расширены. Мелкие капельки крови попали и на лицо и на рубашку, от этого выгляжу зловеще. Умываю лицо. И только тогда иду к сыну, который уже от хныканья перешёл к жалобному плачу. Стоит только взять его на руки, он сразу замолкает, а мне страшно его держать. Он кажется таким хрупким. В руках слабость, и я прижимаю его к себе. Как умею. Я до этого не брал младенцев, боялся. Но к моему удивлению у меня получается, малыш замолкает, начинает сопеть. А я продолжаю ходить по комнате кругами, покачивая своего сына. Если до сегодняшнего дня я только умом понимал, что у меня теперь есть ребёнок. Сейчас прочувствовал сердцем. Словно между нами появилась связь, которой не было.

Лёва засыпает, и я укладываю его обратно. Смотрю на Ангелину, она всё так же сидит на диване, в той же позе. Подхожу к ней, снова обнимаю. Касаюсь её будто совершаю что-то противозаконное, но она не отталкивает.

Поднимает наконец голову и бросается в объятия.

– Моя девочка, – шепчу ей, целую макушку, зарываюсь в её волосы. Как давно я не чувствовал её запах. Такой любимый и родной.

Она прижимается к моей груди, всхлипывает совсем по детски. Хочется её защитить от всего, от всех бед этого мира.

Постепенно всхлипывания затихают, Ангелина поднимает голову, отстраняется.

– Зачем ты приехал? – спрашивает, а сама даже не смотрит. Словно стесняется меня.

– Хотел тебя увидеть. Нечего тебе по квартирам скитаться, у тебя есть дом, возвращайся.

– Нет, – мотает головой. – То, что сегодня произошло никак не уменьшает твоего предательства. Я не вернусь.

– Ангелина, не глупи. Здесь неудобно, а в квартире всё подготовлено. Я уйду. Квартиру оставляю тебе. Можешь не беспокоиться, я не обманываю. Просто мне будет спокойнее, если вы будете дома.

Ангелина смотрит с недоверием, это даже обижает, будто она забыла, что я всегда заботился о ней. Молчим. Даю ей время подумать.

– Хорошо. Если ты действительно не будешь постоянно находиться в квартире, я вернусь.

– Тогда собирай вещи.

– Сейчас? – переспрашивает удивленно.

– Да. Прямо сейчас. Смысл откладывать.

– Тогда надо позвонить Вене...

– Не переживай, я обо всём позабочусь.

Сборы занимают полчаса. Ангелина на дорогу кормит Лёву. Как странно, я ещё ни разу не видел, как она кормит сына, но заметив мой пристальный взгляд, она заставляет меня выйти из комнаты.

– Господи, когда уже закончатся мои мытарства? – бурчит недовольно Ангелина, поднимаясь в нашу квартиру.

– Если бы ты меня выслушала ещё тогда в больнице и не уехала с этим уродом, могла бы и не скитаться по квартирам, – отвечаю ей.

– Вот только не надо меня винить. Ты сам облажался по самое не хочу. Даже на выписку не приехал.

– Я приехал, мне сказали выписки только с четырех.

– Всё понятно. По-твоему, ты ни в чем не виноват.

– Не срывайся на мне, Ангелина, если твой новый знакомый мент не оправдал надежд.

Заходим в квартиру, Ангелина сразу идет в детскую, чтобы положить сына. Он не спит, но лежит спокойно.

– А вот это очень низко, Дима. Упрекать меня в том, чего ты не знаешь. Я не возлагала на него никаких надежд. Понятно? Человек помог, и да, я ему доверилась. Хотя теперь понимаю, что зря, – голос становится высоким, дрожащим, она едва сдерживается, чтобы не кричать. А мне хочется её обнять, успокоить. Делаю к ней шаг, но её взгляд опять полон недоверия.

– Не трогай меня. И не думай, что то, что произошло хоть как-то изменит наши отношения. Я сегодня подала на развод. Всё, Дима. Я не вернусь. Никогда. Я просто не смогу жить с человеком, который предал. И вряд ли я смогу вообще когда-то доверять мужчинам. Вы же как животные, думаете только одним местом. И сегодня я убедилась в этом окончательно.

– Лина...

– Всё, Дима. Уходи! Я устала.

Её слова разрывают сердце, хочется закрыть её рот рукой и сказать, что она неправа. Мне нужен всего один шанс доказать ей, что она не права. Один шанс.

Но понимаю, что сейчас лучше уйти. Мы оба на взводе и ничего хорошего из этого разговора не выйдет.

– Хорошо. Если что-то понадобится, звони. Я на связи.

Иду в детскую, целую сына и ухожу.

Спускаюсь на первый этаж, сажусь в машину. Делаю всё на автомате, потому что в груди будто дыру пробили. И каждый раз, когда Ангелина говорит “уходи”, эта дыра становится больше.

Вдавливая педаль газа, колеса с визгом оставляют чёрный след на асфальте. Сейчас мне не хочется думать. Со всем. Есть только одно средств заглушить боль и обличающие мысли в голове. Врубаю музыку, так чтобы черепную коробку заполнили басы, выталкивая всё остальное.

Гоню по опустевшим улицам и плевать на штрафы. Сей-

час это кажется таким незначительным. На перекрестке загорается зеленый и я, не останавливаясь, гоню прямо.

Свет фар бьёт в глаза, сквозь музыку слышу скрежет металла, боль и темнота.

Глава 20

Когда Дима уходит, я без сил оседаю на тахте, которую специально поставили в детской рядом с кроваткой сына. Лёвушка уже спит и смешно причмокивает во сне.

Когда мы обустроивали детскую, понимали, что я буду кормить сына, поэтому и спланировали так пространство, чтобы было местечко и для моего отдыха. И я сижу на тахте, обхватив себя руками, стараюсь унять нервную дрожь. Осознание, что могло случиться, только сейчас догнало меня. Я сижу и непроизвольно качаюсь из стороны в сторону, как будто убаюкивая сама себя.

Может, зря я прогнала Диму? Все-таки с ним было спокойно. И надежно. Но потом вспоминаю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.